

Воспоминания саду о Рамане Махарши

Саду Аруначала (Майор А.В. Чадвик)

Шри Раманашрам, Тируваннамалай, 2008г

(перевод на русский язык: Марина Туаева, Шри Раманашрам, 2012г)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Т.К. Сундареши Айяра

Саду Аруначала из Шри Раманашрама в Тируваннамалае – образец совершенной преданности нашему Гуру, Багавану Шри Рамане Махарши. Лет двадцать пять назад имя и слава Багавана Шри Раманы привели его из Англии в Индию и, придя к последнему жилищу Багавана, он никогда больше не уезжал. (*Yath Gathva Na Nivartanthe that Dhama Paramam Mata*. Это моё Последнее Пристанище, откуда никто не возвращается. *Bagavad Gita*XV-6). Посетители Ашрама теперь видят его сидящим в Храме Багавана каждый день с 8 до 10 утра и с 5 до 7 вечера, как раньше при жизни Багавана видели его сидящим в Старом Холле. И, естественно, ему есть что рассказать нам не только о Багаване и его учении, но и о том, что происходило в присутствии Багавана. Ашрам дал англоговорящему миру дневники Свами Раманананды Сарасвати, Шри Девараджи Мудальяра и г-на С.С. Коэна. Дневник Шри Раманананды Сарасвати – это запись бесед с Багаваном в течение нескольких лет, а последние два издания – это хроника событий день за днём. В подобной манере Саду Аруначала рассказывает в этой книге о том, что происходило в присутствии Багавана, но большей частью о тех событиях, которые не записаны в других книгах. Таким образом, «*Воспоминания саду о Рамане Махарши*» дополняет предыдущие издания.

Разумеется, саду записывает факты с большой точностью и уважением к истине, поэтому его книгу с радостью встретят не только преданные Багавана. Пишущий это предисловие очень уважает саду как писателя, так как ему известно, что саду перевёл на английский язык все оригинальные произведения Багавана, и эти переводы внимательно изучил сам Багаван, но саду из скромности решил не издавать их ввиду того, что Ашрам опубликовал своё оригинальное *Собрание Произведений Багавана*.

Мы чувствуем огромную благодарность к саду за его «*Стихи о Рамане Махарши*», опубликованные в прошлом году, а настоящие *Воспоминания* усиливают наши чувства. Нет необходимости рассуждать о содержании этой книги, от которой невозможно оторваться.

Это краткое вступление можно завершить, обратив внимание читателя на то, что говорит сам саду о Багаване в Эпilogue:

«Хотя мы говорим, как будто он (Мастер) умер, в действительности он здесь, и очень даже живой, как и обещал, несмотря на видимость».

В этом заключается разгадка того, почему саду неотъемлемо принадлежит Дому Багавана. Да благословит его Багаван!

Эта вступительная заметка должна была бы выйти из-под пера более достойной души, но невозможно было отказать саду в его просьбе, и это единственное оправдание того, что я это написал.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шри Раманананды Сарасвати

Обычный читатель найдёт эту небольшую книгу очень интересной и полезной; разборчивый читатель оценит, как ненавязчиво и, если можно так выразиться, подсознательно привнесено учение; хороший *садхак* с радостью отметит, как просто раскрыты значения понятий *maya*, «первородный грех», *dhyana*, *savikalpa samadhi*, *nirvikalpa samadhi* и *sahaja samadhi*. Без полемики ясно изложены высочайшие истины Упанишад, и, читая эти строки, многие искатели будут отброшены в объятия Реальности. Багаван Рамана остался в нашей памяти как величайшее чудо не только потому, что Он был живой Реальностью, но также Он делал её легко достижимой для Своих приверженцев, среди которых г-н Чадвик – или саду Аруначала – один из самых выдающихся. Я не случайно говорю *выдающийся*, потому что он ясно и просто излагает те же истины в своей неподражаемой манере.

Описание Шри Раманы настолько живое и полное, что любой достойный ученик обязательно подтвердит, что оно верное по духу и точное в деталях.

Конечно, есть тщательно подготовленные книги о Шри Рамане, которые представляют различные грани Алмаза, но эта книга представляет читателям сам Алмаз!

Да благословит Бог скромного автора этой маленькой, но бесценной книги!

.....

К сожалению, после того, как вышло первое издание этой книги в 1961 году, саду Аруначала скончался в апреле 1962г., Свами Раманананда Сарасвати в феврале 1963г., а Шри Т.К. Сундареша Айяр в феврале 1965г.

Октябрь 1966

Издатели.

.....

ПРОЛОГ

Венкатараман, которому позже суждено было обрести известность как Рамана Махарши, родился в конце 1879 года и оставил тело в апреле 1950 года. Он был широко известен у себя на родине в Тамилнаду, в других частях Индии, а также в Европе и Америке, где у него было огромное количество последователей.

Это был полностью Реализованный Мудрец, то есть он был всегда осознанно един с безымянным Высшим, хотя и жил как обычный, нормальный человек, и его тело не отличалось от наших, разве что было, наверное, более хрупким, чем у обычного человека.

Он родился в небольшой деревне в тридцати милях от Мадурай, где прожил первые годы жизни, а после смерти отца переехал в Мадурай, в дом своего дяди. Он был обычным мальчиком, любил игры, но мало интересовался уроками, хотя имел хорошую память. Он отличался необыкновенно глубоким сном, и однажды пришлось взломать дверь в комнату, где он уснул, чтобы разбудить его. Друзья пользовались этой особенностью: они вытаскивали его, сонного, из постели, забирали с собой, били и шутили над ним так, как ни за что не посмели бы, когда он не спал. Потому что он был сильным мальчиком для своего возраста и вполне мог за себя постоять. Думаю, что этот его глубокий сон связан с его будущим достижением, он показывает огромную силу его сосредоточения.

Он мало интересовался религией, хотя посещал храмы, как и положено обычному мальчику – инду.су.

Он был своего рода разочарованием для семьи, которая рассчитывала, что он преуспеет и займёт влиятельное положение и будет обеспечивать семью. Однако было слишком рано судить – он был ещё молод, может быть, он осознал бы свою ответственность позже, но все эти планы на будущее были внезапно разрушены. В возрасте шестнадцати лет в комнате на втором этаже дядиного дома он имел великое переживание, которое изменило всё. Давайте послушаем, что он сам рассказал об этом:

«Примерно за шесть недель до того, как я навсегда покинул Мадурай, в моей жизни произошла огромная перемена. Это случилось внезапно. Однажды я сидел один на втором этаже дядиного дома. Я был здоров, как обычно. Я редко болел и всегда крепко спал. В Диндигуле в 1891г., огромная толпа собралась возле комнаты, где я уснул, и напрасно пыталась разбудить меня криками и стуком в дверь. Только когда они смогли войти в комнату и хорошенько встряхнуть меня, я очнулся от оцепенения. Крепкий сон был, скорее, признаком хорошего здоровья. Я был также подвержен припадкам полусонного состояния по ночам. Мои коварные товарищи, не решавшиеся задирать меня, когда я не спал, приходили, когда я спал, поднимали на ноги, уводили куда-нибудь, били, шлёпали, подшучивали надо мной и приводили назад – и всё это время я мирился со всем этим с покорностью, смирением, прощением и уступчивостью, несвойственными мне при бодрствовании». Когда наступало утро, я не помнил о ночных приключениях. Однако эти припадки не делали меня слабее или менее приспособленным к жизни и вряд ли могли считаться болезнью. Итак, в тот день, когда я сидел один, моё здоровье было в порядке. Но внезапный и безошибочный страх смерти овладел мной. Я почувствовал, что умру. Почему мне так показалось, невозможно объяснить никакими ощущениями в теле. Я и не мог объяснить себе это и даже не пытался выяснить, было ли у страха какое-нибудь основание. Я почувствовал: «Я умру», - и тут же стал думать, что делать. Я не собирался

советоваться с врачами или старшими и даже с друзьями. Я знал, что сам должен решить эту проблему здесь и сейчас.

Шок смерти сразу же направил моё внимание вовнутрь. Я сказал себе мысленно, т.е. не произнося слова вслух: «Вот пришла смерть. Что это значит? Что умирает? Это тело умирает». И сразу же разыграл сцену смерти: вытянул ноги и руки и сделал их твёрдыми, будто наступило трупное окоченение. Имитировал труп, чтобы придать реальность моим дальнейшим исследованиям. Я задержал дыхание и сжал губы, чтобы ни звука не вырвалось. «Пусть не будет произнесено ни слово «я», ни какое-нибудь другое слово!» «Итак», - сказал я себе – «это тело мертво. Его отнесут на площадку для кремации и там сожгут дотла. Но со смертью этого тела, умру ли «Я»? Является ли это тело «Я»? Это немое и неподвижное тело. Но я чувствую всю силу моей личности и даже звук «Я» внутри, отдельно от тела. Поэтому «Я» - дух, превосходящий тело. Материальное тело умрёт, но смерть не может коснуться духа, превосходящего его. Поэтому я – бессмертный дух». Всё это был не только интеллектуальный процесс, но вспыхнуло передо мной ярко, как живая истина, как нечто, что я сразу осознал, почти без обсуждения. «Я» было чем-то реальным, единственной реальной вещью в этом состоянии, и вся сознательная деятельность, связанная с моим телом, была сосредоточена на этом. «Я» или Атман с того времени всегда мощно притягивал к себе и удерживал моё внимание. Страх смерти исчез раз и навсегда. Погружённость в Атман продолжается с того момента до сих пор. Другие мысли могут приходить и уходить, как различные мотивы у музыкантов, но «Я» продолжается как основная нота *шрути*, которая сопровождает и смешивается со всеми другими нотами. Занято ли тело разговорами, чтением или чем-нибудь ещё, я всегда сосредоточен на «Я». До этого перелома не было ясного восприятия себя, не было прямого видимого интереса к этому, и ещё меньше я ощущал желание постоянно заниматься этим. Последствия этой новой привычки вскоре сказались на моей жизни».

(Б.В. Нарасимхасвами «Самореализация», гл.5)

После этого всё, что касалось семьи, шло плохо. Он потерял остатки интереса к учёбе и больше был расположен сидеть, уставившись в пространство, когда должен был делать уроки.

Давайте ненадолго остановимся и рассмотрим, что же с ним случилось.

Когда он лежал на полу, к нему пришла смерть. Разве смерть, которую он пережил, была чем-то иным, нежели смерть эго? Эго само по себе иллюзорно, говорят буддисты, но даже если предположить, что у него есть какое-либо существование, в нём нет ничего постоянного. Оно меняется от мгновения к мгновению. Одно эго решает что-либо сделать завтра, но когда наступает завтра, главенствует другое эго, и отказывается это выполнять. Так мы меняемся день ото дня, или, скорее, меняются эго, с которыми мы себя отождествляем. Но за каждым из них есть неизменный свидетель, который не сводится лишь к наблюдению действий маленького эго; это Высший Свидетель, или, как говорил Багаван – Атман. Есть лишь Атман, и это единственная неизменная вещь, которая существует. Однако здесь не место распространяться по этому поводу, далее в этой книге мы продолжим эту тему.

Итак, Венкатараман умер. После того, как это случилось, у него больше не было имени, он никогда ничего не подписывал и никакое имя не признавал своим. Люди

называли его Раманой, и он знал, что они говорят о нём, но если бы его называли каким-нибудь другим именем, он бы признал и его. Вскоре, покинув дом, он оставил неподписанную записку, в которой сообщал о своём уходе.

Что же конкретно произошло, когда умер Венкатараман? Атман полностью завладел им. Несомненно, тело Венкатарамана и всё, что люди с ним связывали, продолжало быть. Его мать всё ещё называла его прежним именем, он ел, ходил в школу, но настоящий «он» ни с чем «себя» не связывал, он наблюдал всё это, будто смотрел кино, и знал, что это всего лишь кино.

Конечно, понять это трудно, если ты не Реализованная душа. Мы видим, как кто-то живёт, ест, спит и делает то же, что и мы, и всё же нам говорят, что *он* совсем ничего не делает. Всё происходит, но он никак себя с этим не связывает; он совершенно другой, чем мы, хотя, по сути, он кажется таким же, как любой из нас. Какое ещё отличие можно найти? Суть в том, что, как говорил Багаван, кроме Реализованной души никто не может сказать, каково быть Реализованной душой.

За этот короткий час в комнате наверху Венкатараман стал полностью реализованной душой. Он теперь был Бого-реализован. С того дня его жизнь с мирской точки зрения, была почти без событий. Вскоре он покинул дом и поселился в Тируваннамалае, где оставался до конца своих дней. Со временем он стал широко известен, хотя всегда старался не привлекать к себе внимание. Не то, чтобы у него было какое-либо желание быть известным или незаметным. Для Реализованной души нет такой вещи, как желание. Он свободен. События просто происходят. Слава пришла к нему, потому что такова была его *прарабдха* – помогать другим на пути к тому состоянию Свободы, которым он теперь наслаждался постоянно.

Когда я прибыл в Тируваннамалай, Багаван был намного старше среднего возраста. Он был широко известен и последние тринадцать лет жил у подножия Горы в Ашраме, известном как Шри Раманашрам. Описания его жизни и книги с его учением легко доступны в Ашраме и дадут читателю полный очерк его жизни. Эта маленькая книжка не претендует быть ни всеобъемлющей, ни хронологичной.

Да благословит её Багаван, и пусть она послужит светом, который приведёт к его стопам хотя бы нескольких читателей.

Я впервые приехал в Ашрам Шри Раманы 1 ноября 1935 года. Узнав о Багаване из книги Брантона «Поиски в Скрытой Индии», я немедленно решил, что это мой Гуру. Как только уладил дела, я покинул дом и другую собственность на Майорке и поехал ненадолго домой в Англию навестить сестёр, прежде чем, наконец-то, отправился в Индию.

В течение нескольких лет время от времени я практиковал некую форму медитации после работы по вечерам, (в то время я работал в Чили) а когда ушёл в отставку – у себя дома. На самом деле эта медитация, как оказалось, очень похожа на то, что я узнал позже, когда приехал в Тируваннамалай. Я считал, что раз Бог создал мир, (где-то когда-то всё должно было начаться, а это требовало Создателя) Он мог создать его только из Себя самого, иначе, если существовало что-то отдельно от Него, то Он не мог быть Богом, неоспоримым и всемогущим. Поэтому я решил, что искатель сам – это Бог или Атман, как

говорит Багаван. Мой метод медитации тогда состоял в том, чтобы заставить ум прекратить думать как индивидуальность и просто пребывать в своей Божественности: «Не думай. Будь!» Я, конечно, осознавал опасность пустоты и не питал иллюзий, что эта пустота может быть целью или концом сама по себе. Этой формой медитации я занимался время от времени с 1924 года и до тех пор, пока прибыл в Тируваннамалай одиннадцать лет спустя, но в этом промежутке было время, когда я совсем не медитировал. Я был убеждён, что не могу вести мирскую жизнь и в то же время стремиться к духовному достижению; эти две вещи были для меня совершенно изолированы друг от друга. Тогда я не понимал истины *Адвайты*, что подобного разделения быть не может, что мирская жизнь так же нереальна, как и духовная, или, если угодно, обе одинаково реальны. Это *прарабдха*, которую в любом случае придётся выработать; что на самом деле нет такой вещи, как добро и зло, а только привязанность; что действия – это действия и именно отождествление себя с ними имеет значение, а не действия сами по себе. Я всё ещё верил в важность морали как таковой, и поэтому моя медитация не могла быть ничем иным, как нерегулярным занятием.

Несомненно, в каком-то смысле, хотя бы в начале, это было полезно, потому что на ранних стадиях должно быть правило или какая-нибудь система, чтобы сосредоточиться на работе, хотя это правило автоматически отпадает со временем. Однако время шло, и я понял, что моё отношение было неверным. Какой бы ни была жизнь, короткую медитацию надо практиковать ежедневно, предпочтительно, ранним утром.

Несомненно, метод, который я придумал для успокоения ума и сосредоточения на своей внутренней сути, которая, как я решил, есть Бог, немного отличался от метода непрерывного самоисследования и поиска Свидетеля, как учил Багаван. Мне повезло, что Истина так легко пришла ко мне. Конечно, она подтвердила то, что сказал Багаван: «Чадвик был с нами раньше, он был одним из нас. Он почему-то захотел родиться в Европе, и теперь исполнил это». Поэтому кажется, что память об учении, данном в предыдущем рождении, принесла плоды в нынешнем.

Ранним утром я прибыл в Тируваннамалай поездом. Был яркий солнечный день начала зимы, и меня сразу же поразила необыкновенная атмосфера этого места, которую, казалось можно потрогать, такая она была мощная. На станции меня встретил Ганапати Шастри. Я просил Ашрам прислать кого-нибудь встретить меня, и, естественно, решил, что прислали именно его. Но оказалось, что он не имел полномочий встречать меня. Хотя он и принадлежал раньше к ашраму, но теперь был в немилости. Человек, посланный из Ашрама, не подошёл, увидев, что кто-то уже встретил меня. К чему беспокоиться?

Ганапати Шастри когда-то был местным чиновником и много лет был преданным Багавана. Он особенно симпатизировал белым лицам и привязывался к каждому европейцу или американцу, приехавшему в Ашрам. Надо отдать ему должное, он мог быть очень полезен новичку.

В Ашраме мне дали недавно построенную рядом с кладовой комнату, которую я делил с Аннамалаем Свами; здесь я жил три с половиной месяца, пока для меня не построили комнату на территории Ашрама. В этой комнате я и живу с тех пор.

Багаван вернулся с прогулки после завтрака около семи часов утра, и я вошёл к нему в старый Холл. Прямо возле двери лицом к нему мне поставили стул, который я и занимал несколько месяцев, пока не осознал, что окружающие недовольны. Я не знал тогда, что сидеть на одном уровне с Гуру и вообще сидеть на стуле в его присутствии

индусы считают проявлением неуважения. Тогда, как и сейчас, несмотря на годы практики, я испытывал значительные трудности, сидя на полу даже непродолжительное время. Впоследствии я смастерил пояс для медитаций из хлопчатобумажной ткани, которым опоясывал спину и приподнятые колени, и с такой поддержкой мог удобно сидеть долгое время. Такими поясами обычно пользуются йоги, хотя, как это ни странно, я не имел ни малейшего представления об этом, когда сконструировал свой пояс. Багаван сказал мне, что его отец имел такой пояс, но не пользовался им публично. Однажды в Холл пришли мальчики и, увидев, как я медитирую в поясе, спросили Багавана: «Почему его связали?» Багаван, у которого было великолепное чувство юмора, очень развеселился. Однако, несмотря на то, что этот пояс привлекал ко мне внимание, я был так увлечён медитацией в присутствии Багавана, что продолжал пользоваться им много лет.

Нелегко пытаться описать мои реакции, когда я впервые оказался в присутствии Багавана. В его присутствии я почувствовал бесконечный покой, его доброту. Не было так, будто я впервые встретил его. Казалось, что я всегда его знал. Даже не было похоже на возобновление прежнего знакомства. Это всегда было, хотя раньше я не осознавал этого. Теперь я знал.

Несмотря на то, что я был совершенно незнаком с Индией и её обычаями, ничто из происходящего в первые дни моей жизни в Ашраме не казалось мне странным, всё было вполне естественно. Только позже, прожив некоторое время в Индии, я начал понимать, как добр был ко мне Багаван с самого начала. И это моё незнание сыграло мне на руку. Багаван реагировал на отношение людей. Если вы вели себя естественно, без напряжения, поведение Багавана было таким же. Я, конечно, не имею в виду, что Багаван на самом деле реагировал или что его поведение могло быть каким-либо иным, чем естественное, он лишь казался таким, потому что был как зеркало, отражающее наши собственные чувства. Если вы были сдержанны и испытывали благоговейный страх, он казался почти надменным, но с другой стороны, если вы вполне естественно отвечали на всеобъемлющую любовь его присутствия, тогда он относился к вам как к своему.

Когда я вошёл в Холл в первый раз, он сидел на своём диване лицом к двери. Было около 7 утра, и он только что вернулся с прогулки по Горе. Он приветствовал меня очаровательной улыбкой и спросил, позавтракал ли я, а затем предложил сесть. В тот день было довольно много людей, хотя это было ещё до того, как огромные толпы стали обычным признаком Ашрама, наверное, был какой-то индуистский праздник, потому что после *пуджи* принесли зажжённую камфару, что делали только по особым дням, и в его присутствии декламировали *Na Karmana*. Багаван беседовал со мной всё утро до тех пор, пока не наступило время обеда. Он задавал множество вопросов обо мне и моей жизни. Всё это казалось вполне естественным. Позже мне довелось узнать, что обычно он приветствовал посетителей коротким взглядом, делал несколько замечаний и затем оставался в молчании или ожидал, пока они изложат ему свои сомнения и зададут вопросы, чтобы он мог ответить. Или часто он, казалось, не осознавал, что кто-то вошёл, хотя это только казалось, так как он всегда был полностью осознан.

Ему было очень интересно услышать о Брантоне, которого я встретил в Лондоне, и который собирался вернуться в Индию через несколько месяцев. Он собирался приехать в Ашрам в первый раз после издания книги «Поиски в Скрытой Индии». Несомненно, Багаван воодушевил Брантона распространять его учение, или, по крайней мере, вести о существовании Багавана, на западе. Он явно написал много чепухи впоследствии и был

плагиатором чистой воды, но очень многие пришли к Багавану из-за его книги и благодарны ему за указание, где найти Гуру.

Я всегда считал, что главы книги, которые прямо относятся к Багавану, несомненно, вдохновил сам Багаван. В том, что Брантон сохранил любовь и большое уважение к Багавану, кажется, сомнений не возникает, несмотря на его ссоры с Ашрамом и некоторые незначительные замечания о Гуру, сделанные в его более поздних книгах.

Багаван, безусловно, имел особое послание для запада, где его высоко ценили. Его чисто рационалистические доводы и отсутствие сантиментов в его учении были очень привлекательны. Он никогда не проповедовал, не устанавливал правил, но всегда сосредоточивался на том, чтобы повернуть искателя к себе и показать ему, что всё целиком зависит от него самого, Гуру может только указать и вести, так как никто не может дать Самореализацию другому.

Когда я был здесь уже день или два, Багаван попросил кого-то дать мне книжку «Кто Я?» и велел прочитать её. В ней содержится суть его учения, и хотя оно было дано, когда он был юношей 21 года, его никогда не надо было менять. Багаван может вести любые философские беседы и объяснять системы, отвечая на вопросы, но его учение и указания для *садханы* целиком содержатся в «Кто Я?». Всё остальное было «раздуванием» или расширенным толкованием для тех, кто был не удовлетворён простотой и прямым объяснением, данным в этой маленькой книжке. Он всегда настаивал, что книга должна продаваться как можно дешевле, чтобы её смогли купить самые бедные, и изначально она стоила не дороже, чем *пол-аны*.

Эта необыкновенная маленькая книжка содержит одни из первых наставлений, данных Багаваном примерно в 1902 году письменно, так как он в то время не разговаривал. Они напрямую исходят из его собственного опыта, и на них никак не повлияло чтение им Упанишад и других священных писаний, которые приносили ему позднее для разъяснений. Позднее, читая эти книги, он осознал философское значение того, что с ним произошло и таким образом смог соотнести свои переживания и согласовать их с традицией индуизма. Но в этой книге мы имеем его поучения из первых рук и не раскрашенные. Здесь мы находим самую их суть и с помощью одной лишь этой книжки можем узнать всё, что необходимо. Больше ничего не нужно.

Я спрашивал его о том периоде его жизни, в течение которого, как пишут, он соблюдал *мауну* или обет молчания. Он рассказал мне, что никогда не давал такого обета, но живя в храме, некоторое время он сидел рядом с *саду*, который соблюдал такой обет, и увидел, как это удобно: толпы не беспокоили саду так, как беспокоили его. Поэтому для удобства он стал подражать ему. «Обета не было, я просто молчал, но говорил, когда это было необходимо», - объяснил он. Я спросил его, как долго это продолжалось. «Около двух лет», - ответил он.

Люди говорят о напряжённом *тапасе*, который он совершал, но этот *тапас* – такой же миф, как и его *мауна*. Он никогда не совершал тапас, это было не нужно. Его Самореализация, достигнутая в верхней комнате дядиного дома в Мадуре, была окончательной, ничего больше не нужно было делать. Он был всего лишь мальчик, и прошло время, пока он приспособил свою всеобъемлющую реализацию к повседневной жизни. Она охватывает повседневную жизнь так же, как и охватывает всё остальное. Это совершенство, Пурна. Поэтому он просто искал тихие места, где его никто не побеспокоит, и он сможет наслаждаться Блаженством. В действительности, он достиг того

состояния, где ничто больше не могло его побеспокоить, он был вне подобных вещей. Мальчишки швыряли в него камни и дразнили, но ему было совершенно безразлично. Однако он не был бессознателен. Реализация Багавана не была некоей бесцветной пустотой. Внешнее продолжало существовать, но он знал, что это лишь видимость и больше не обманывался мыслями, что это Реальность. Отсюда, полагаю, его полное безразличие к миру. Как бы то ни было, это всего лишь сон, поэтому, зачем делать что-либо? Просто сидеть где-нибудь и наслаждаться Атманом. Что значит учить других и помогать миру? Других нет. Кроме того, если он должен был жить в мире, а кажется, именно такова была его карма, тогда, прежде чем он сможет это делать, надо было приспособить реализацию к миру, в который он на самом деле не верил. А для этого нужно время. Это объясняет его кажущееся бегство от жизни. Хотя говорить «бегство от жизни» в отношении Реализованной души – это противоречие в терминах, так как убежать больше не от чего.

Лишь спустя какое-то время люди стали приносить ему книги и просили разъяснений. В этих книгах он обнаружил описание того, что с ним произошло, здесь были записи о его реализации. Это стало для него открытием. Он не знал, что то, что с ним случилось, происходило раньше и с другими. Не только происходило, но этого сознательно искали и описывали.

Он был настолько поглощён Реальностью, что безразличие к телу стало необыкновенным. Так как он почти не мылся, его волосы превратились в один сбившийся ком. Однажды одна старушка, увидев это, была так потрясена его неопрятным видом, что принесла ведро воды и мыло и стала мыть ему голову, будто он был каменным божеством. Он оставался спокойным, хотя вполне осознавал, что происходит. Удивительно, но ей не составило труда распутать его волосы; как только она их намылила, они распутались, и их можно было расчесать.

Он был совершенно безразличен к пище, которую ел. Одно время *саду* давали ему чашку смеси из турмерика, бананов, молока и орехов после *абхишекам* – омовения образа Господа Субраманьи. Он был вполне удовлетворён этим. Однако в последующие годы могло показаться, что он имеет предпочтения в еде, хотя сам он утверждал, что вся еда для него одного вкуса. Наверное, это так, потому что для *джняни* тело не имеет реальности, так как он больше не отождествляет себя с ним. Он, конечно, знает о нём, но только как о части целого сна, который не принадлежит исключительно ему. Мы называем его Багаван и думаем, что оно – это он. И то, что мы можем видеть его, как своего Гуру, и быть рядом с ним и получать через эту форму его Милость – это благословение для нас.

Вторая книга, которую он рекомендовал мне прочитать, была «Самореализация» Б.В. Нарасимхасвами. Несмотря на её любительский стиль и то, как она написана, это основное авторитетное изложение жизни и учения Багавана. Б.В.Н. приложил огромные усилия, собрав как можно больше фактов и подробностей жизни Багавана и записав их: никто другой не взял на себя столько труда, сколько он, и не сделал ни одной подобной записи. Все другие люди, написавшие отчёты о жизни Багавана, имели доступ к книге Б.В.Н. и пользовались ею без ограничений, часто пересказывая её своими словами. Без этой книги мы бы ничего не знали о ранних годах жизни Багавана. Б.В.Н. проделал замечательную работу, и я думаю, что его не смогли оценить по достоинству. Здесь мы найдём записи первых поучений ранним последователям. Особенно интересны указания,

данные Хамфризу, молодому полицейскому, который приехал к Багавану в 1911г. Насколько известно, он был первым европейцем, посетившим Багавана, по крайней мере, первым, кто написал о своём визите. Он дал прекрасное описание Багавана в пещере Вирупакша. Ясные и точные поучения являются руководством для всех, кто пришёл позже. Кто ещё записал такие слова Багавана: «Я даю эти указания, как Гуру даёт их ученику»? Между этими двумя определённо была какая-то особенная связь. Однажды в Холле сказали, что кто-то недавно видел Хамфриза, и он отрицает, что получил какую-нибудь пользу от наставлений Багавана. Всё, что сказал на это Багаван: «Это ложь!» Всё это, несомненно, была злобная выдумка.

Первый вопрос, который я задал Багавану: почему Христос воззвал на кресте. Если он был совершенным *джняни*, тогда бесспорно, он был бы безразличен ко всем страданиям. Багаван объяснил, что хотя *джняни* уже достиг Освобождения, и для него не может быть такой вещи как страдание, некоторые, как может показаться, ощущают боль, но это лишь реакция тела. Так как тело продолжает реагировать. Оно ест и выполняет все естественные функции. Всё его страдание видно только стороннему наблюдателю и не влияет на *джняни*, так как он больше не отождествляет себя с телом, он живёт в запредельном состоянии, над всем этим.

Кроме того, для него не имеет значения, где и когда он оставит тело. Некоторые, умирая, кажутся страдающими, другие могут скончаться, находясь в *самадхи* и совсем не осознавая внешний мир, в то время, как третьи могут просто исчезнуть из вида в момент смерти. Этот разговор особенно интересен ввиду того, что происходило с самим Багаваном в его последние дни. Он, кажется, определённо очень страдал. По ночам, когда он не подозревал, что кто-нибудь может его услышать, он лежал на диване, стонал и вскрикивал. И тогда действительно было трудно понять, что он, как *джняни*, не чувствует боль так, как чувствуем мы, но видит её как что-то отдельное от себя, как сон, к которому можно относиться беспристрастно. Когда умирал Миларепа, его спросили, не чувствует ли он боли, так велики были его видимые мучения. «Нет», - ответил он, - «но боль есть». Боль явно была – для тела. Если человек отождествляет себя с телом, то он чувствует её и связывает себя с ней. Но для *джняни*, который всегда видит тело как нечто отдельное от себя, боль – это всего лишь переживание вне его реальности. Боль есть, но, так или иначе, она не его.

Немного пожив в Ашраме, я начал осваиваться и обнаружил, что лучшее время застать Багавана одного было в час дня, когда он возвращался с Горы. Все, кто мог, ускользали на сиесту, кроме одного слуги, чьей обязанностью было оставаться с Багаваном на случай, если ему что-нибудь понадобится. Электричества ещё не было, поэтому над диваном Багавана висело опахало, которое лениво приводил в движение сонный слуга, мечтающий сбежать и поспать. Иногда я брался за его работу и отпускал его, а иногда садился рядом с диваном Багавана, и мы разговаривали. Именно в эти часы он учил меня, и эти тихие часы, проведённые с ним тогда, были самыми драгоценными. Он знал английский достаточно, чтобы читать газеты и понимать меня, если я говорил медленно и если был необходим лишь короткий ответ или ссылка на книгу, с этим он мог справиться в то время. Но если ответ оказывался сложным, он ждал времени, когда мог позвать для перевода кого-нибудь из тамилгов, говорящих по-английски.

Первое время я жил в большой комнате, прилегающей к кладовой Ашрама. Здесь Багаван часто навещал меня, обычно, когда выходил около десяти часов. Зайдя в мою

комнату неожиданно, он просил меня не беспокоиться и продолжать заниматься своими делами. Принято было вставать сразу, как только он входил в помещение. Я не знал этого, и оставался сидеть, продолжая делать то, чем занимался в это время. Теперь я понимаю, что индийские преданные смотрели на это как на вопиющее неуважение, но это было вознаграждено. Если кто-то смущался при Багаване или казался каким-либо образом побеспокоенным, он просто больше не приходил, он никого никогда не беспокоил, таким он был внимательным. Но если человек продолжал заниматься своими делами, тогда он сам усаживался и начинал беседовать вполне естественно и без формальности, которая обычно окружала его в Холле. Я не имел понятия, как мне повезло, и какая это была привилегия, но определённо ценил эти визиты. Он мог взять мою карманную записную книжку и вытряхнуть из неё всё – фотографию, членскую карточку и разные обрывки, которые могли в ней находиться. Он делал замечания и задавал вопросы о каждой вещице. Могло бы быть неловко, но, к счастью, в бумажнике не было ничего сомнительного. Не потому, что Багаван был бы недоволен. Для него не было ничего предосудительного или неподобающего.

Я всегда удивлялся, как случилось, что Св. Павел, крайне ортодоксальный иудей, ненавидевший Христа и преследовавший христиан, выразил своё необыкновенное переживание по дороге в Дамаск словами Христа, а затем и сам стал ревностным христианином. Поэтому однажды я спросил Багавана.

Он сказал, что Св. Павел всегда думал о Христе и христианах, они никогда не покидали его мыслей, поэтому, когда он вернулся к самоосознанию после своего переживания, то отождествил свою реализацию с этой преобладающей мыслью. И он привёл пример Раваны. Равана ненавидел Раму, никогда не переставал думать о нём и в момент смерти Рама была самой яркой мыслью в его уме, поэтому он осознал Бога. Это не вопрос любви или ненависти, просто вопрос в том, что занимает ум в это время. Люди оценивают поступки других как хорошие или плохие, но значение имеет сам поступок, а не его окраска. Весь секрет состоит в том, привязаны мы к своей деятельности или нет. Человек, проводящий время в благородных поступках может быть привязан к ним намного больше, чем так называемый плохой человек – к своим. И именно тот, кто раньше отбросит все привязанности, быстрее всех достигнет самореализации.

Добро и зло, в конце концов, оказываются относительными понятиями. Самоисследование – это, оказывается, не более чем избавление от *васан*. До тех пор пока будет оставаться хоть одна *васана*, хорошая или плохая, мы будем оставаться нереализованными.

Это напомнило мне случай, произошедший на праздновании пятидесятилетней годовщины прибытия Багавана в Тируваннамалай, когда Багаван подчеркнул, что хорошо давать *васанам* возможность проявляться. Бесполезно сдерживать их и позволять им накапливать силу внутри. Последствия этого могут, в конечном счёте, оказаться роковыми.

Один из давних учеников причинял много неприятностей и досады тем, что постоянно выпячивал себя как более важного, чем другие. В конце концов, управляющий пошёл к Багавану, чтобы лично обсудить это и спросить, что ему делать. Багаван выслушал, ни слова не говоря, а затем, когда тот закончил, заметил: «Да, это его *васаны*, хорошо давать им возможность проявляться». И всё. Отличная философия, без сомнения, но небольшое утешение для управляющего.

В западных книгах можно прочитать о людях, которые имели вспышки просветления. Некий доктор Баки собрал и опубликовал записи многих подобных случаев. Но, в то время как реализация Багавана была постоянной, это было не так в случаях, описанных Баки. Это были не более чем временные озарения, длившиеся обычно не больше получаса. Эффект от них мог оставаться ещё несколько дней, но со временем всё неизбежно проходило. Я спросил Багавана, как такое может быть, и он объяснил мне: то, что приходит как вспышка, вспышкой и исчезнет. В действительности, они переживают не самореализацию, а космическое сознание, в котором видят, что всё едино, отождествляют себя с Природой и Космическим Сердцем. В индуизме это называется *махат*. Здесь даже во время переживания остаётся след эго и осознание тела, принадлежащего видящему. Ложное чувство «я» должно исчезнуть целиком, так как это ограничение, которое связывает. Освобождение – окончательная свобода от этого.

Багаван был очень красивым человеком; он сиял видимым светом или аурой. У него были самые изящные руки, какие я когда-либо видел, он мог объясняться ими. У него были правильные черты лица, а чудо его взгляда общеизвестно. У него был высокий лоб, а макушка головы – самая высокая, какую я видел. Поскольку в Индии это считается сводом Мудрости, то естественно, так и должно быть. Его тело было хорошо сложено и лишь среднего роста, но это было незаметно, так как его личность была столь господствующей, что он казался высоким. У него было великолепное чувство юмора, и во время разговора, на лице его всегда играла улыбка. Он знал множество шуток и был прекрасным актёром, он всегда изображал главных героев любой истории, которую рассказывал. Когда изложение было очень трогательным, он переполнялся эмоциями и не мог продолжать. Когда люди приходили к нему со своими семейными историями, он смеялся вместе со счастливыми и иногда лил слёзы с теми, кто перенёс тяжёлую утрату. Казалось, он таким образом разделяет чувства других. Он никогда не повышал голос, а если иногда казался рассерженным, на поверхности его Спокойствия не оставалось никаких следов. Заговорите с ним сразу после этого, и он ответит совершенно спокойно и безмятежно. У других эффект гнева остаётся ещё какое-то время даже после того, как всё закончилось. Внутренне нам всем нужно время, чтобы прийти в себя, но у него не было реакций. Он никогда не прикасался к деньгам, не потому что ненавидел деньги, он знал, что в повседневной жизни они необходимы, но ему никогда не были нужны деньги, и он не интересовался ими. Деньги и подарки приходили в Ашрам; что ж, это было нормально, управление нуждалось в них, чтобы вести дела, но им не надо было беспокоиться о деньгах или просить людей подавать. Бог подаст.

Люди говорили, что он не разговаривал, но это неправда, как и множество других глупых легенд о нём. Он не разговаривал без необходимости, и его очевидное молчание лишь показывало, как много глупой болтовни обычно происходит между нами. Он во всём предпочитал простоту и любил сидеть на полу, но ему навязали диван, и он стал его домом на большую часть суток. Он никогда, если мог, не позволял никаких предпочтений по отношению к себе. А в столовой он был в этом непреклонен. Даже если ему давали специальное лекарство или тоник, он хотел поделиться со всеми. «Если это полезно мне, то должно быть полезно остальным», - утверждал он и заставлял раздавать это всем присутствующим. Он ходил гулять на Гору несколько раз в день, и если можно приписать ему привязанность хоть к чему-то на земле, то это, бесспорно, была привязанность к Горе. Он любил её и говорил, что это Сам Бог.

Он говорил, что это вершина духовной оси земли; прямо на противоположной стороне земного шара где-то должна быть другая гора – говорил он – соответствующая Аруначале, вторая вершина оси. Он был так уверен в этом, что однажды вечером заставил меня принести атлас и посмотреть, прав ли он. Я нашёл по атласу, что противоположный полюс выходит в море на расстоянии около сотни миль от берега Перу. Он, казалось, усомнился в этом. Я сказал, что на этом месте должен быть какой-нибудь остров или гора под водой. Лишь несколько лет спустя после кончины Багавана, приезжий англичанин рассказал историю о месте в Андах где-то на этой широте, считающемся необычным тайным местом силы. Позднее я узнал, что там начал работать центр, но неудачно. Потом мне говорили о человеке, практикующем медитацию в уединении в районе Анд в Эквадоре. То есть, кажется, что та часть земного шара действительно необычайно привлекательна. Земля не является строгой сферой, и карты не настолько точны, поэтому мы не можем точно определить место. Вполне возможно, что в той части земли происходит больше, чем нам известно, и это весьма согласуется с тем, что говорил Багаван. Однако я никогда не обсуждал это с Багаваном, так как получил известия, что в этих районах происходит нечто подобное лишь через много лет после его смерти. Раньше я часто путешествовал в тех местах, но никогда не видел ничего, что привело бы меня к мысли, что там могут оказаться важные духовные центры.

Некоторые считали, что Багавана можно убедить сделать что-либо помимо его воли или изменить решение. Что достаточно лишь попросить его, и он сделает то, что вам нужно. Конечно, это полная чепуха. Никто на свете не мог заставить или убедить Багавана что-либо сделать. Помню один случай. Какие-то преданные проводили церемонию *Upanayana* (облачение мальчика-брамина в священный шнур) в Школе Вед Ашрама. Когда Багаван проходил мимо в 10 часов, направляясь в коровник, родители мальчика вышли и просили Багавана зайти на несколько минут и удостоить своим присутствием церемонию. Не было никакой очевидной причины, почему бы ему этого не сделать, он часто делал подобные вещи, но по какой-то причине он даже не удосужился ответить и продолжил путь. Когда он возвращался, несколько человек опять стали просить его просто зайти на минутку, но он отказался. Это было типично. Он или делал, или не делал, переубедить его было невозможно.

Прежде чем куда-нибудь поехать, было принято сначала получить разрешение Багавана, но то, как это делали, было похоже на фарс. Человек входил в Холл, простирался и говорил: «Я еду в Мадрас», - или куда он собирался ехать. Багаван лишь говорил: «Да», - или иногда просто молчал. Тогда преданный радостно уезжал, говоря, что получил разрешение у Багавана. Если сделать утвердительное заявление Багавану, он примет его как таковое. Если вы скажете: «Я собираюсь поесть мясо», - Багаван просто кивнёт: он принял ваше заявление, услышал, что вы сказали и понял. Но это никоим образом не означает, что он одобряет. Однако если вы действительно попросите разрешения, тогда другое дело; он мог дать разрешение или промолчать. Его молчание, конечно, нельзя было рассматривать как согласие.

Однажды вечером я попросил разрешения поехать в Пондичери. Багаван спросил: «Зачем?». Я ответил, что меня беспокоит зуб, и я хочу проконсультироваться у дантиста. Поскольку он промолчал, я ничего не предпринял. Через несколько дней он сказал мне: «Я думал, ты поехал в Пондичери, а ты всё ещё здесь». «Но ты не отпустил меня», - ответил я. Багаван промолчал. Оказалось, что моя проблема разрешилась сама собой: то,

что застряло в десне, вышло, и дантист не понадобился. Через несколько месяцев у меня снова заболел зуб, теперь уже другой. Когда я спросил позволения и назвал Багавану причину, по которой хочу ехать, он тут же сказал: «Да, поезжай!» На этот раз поездка действительно оказалась необходимой.

Возможно, чтобы оправдать то, как они уезжают, люди утверждали, что фактически Багаван никогда не говорил, ехать или не ехать. Если вы ждали определённого ответа и не удовлетворились иным, тогда Багаван говорил, что делать.

Отец моего слуги болел в Малабаре и он хотел поехать проведать его. Поскольку оставаться в Ашраме без слуги мне было неловко, я сказал ему, что тоже поеду проведать больного друга, если он получит для меня разрешение Багавана. Позади моего дома была калитка, которая вела в Палакотту, сад, примыкающий к Ашраму, и эта калитка обычно была заперта. Иногда нам удавалось устроить так, что Багаван возвращался с полуденной прогулки этим путём и навещал меня в моей комнате. Мой слуга пошёл навстречу Багавану, объяснил ему всё и попросил для нас обоих разрешения уехать. Багаван разрешил. Но слуга сказал, что этого недостаточно, что если он сам не придёт и не скажет мне об этом, я не поеду. Ему удалось заманить Багавана в мою комнату через калитку. Багаван сказал мне: «Раман хочет поехать повидать отца». «Да», - ответил я, но не высказал своего мнения. Когда он собрался уходить, то повернулся ко мне и сказал: «Да, поезжай в Варкалу, там будет прохладнее».

В другой раз он дал мне прямое указание. У Чинна Свами, управляющего Ашрама, брата Багавана, было старое полицейское ружьё. Он придавал ему большое значение, так как был убеждён, что просто обладать этим ружьём достаточно, чтобы отпугнуть всех воров и бандитов, которых он до смерти боялся. Он воспользовался моим именем, чтобы получить разрешение на ружьё. Думаю, это оружие было, конечно, бесполезным, и могло разорваться, если из него выстрелить, но к нему не было никаких патронов, так что этого можно было не опасаться. Как бы то ни было, Чинна Свами хотел, чтобы я держал его у себя и был штатным палачом, но я отказался. Я сказал, что давно ушёл из армии, стал саду и не намерен теперь прикасаться к оружию. Но он был очень настойчив. Он прислал ко мне в комнату несколько человек, чтобы убедить меня, и каждый раз, увидев меня, поднимал эту тему. Наконец, отчаявшись, я сказал, что надо посоветоваться с Багаваном. Чинна Свами совсем не понравилась эта идея. Он боялся Багавана и никогда не обращался к нему лично, если мог этого избежать. В этот раз он подумал, что может получить выговор даже за свою идею. Однако, в конце концов, он вынужден был согласиться. Однажды вечером я пошёл на Гору и встретил Багавана, который возвращался с прогулки. Я всё ему объяснил и спросил, что мне делать.

«Разве ты не можешь держать его на полке у себя дома?», - спросил он. «Конечно, могу», - ответил я. «Тогда так и сделай», - велел он. Когда Чинна Свами услышал результат переговоров, он не мог поверить. Чинна Свами утверждал, что Багаван никогда не даёт таких приказов или указаний. Но так как он послал со мной человека для наблюдения, и тот человек подтвердил это, у него не осталось другого выбора, кроме как признать, что я говорю правду. Однако ружьё ни разу не понадобилось, и с тех пор к нему прикоснулись только один раз – несколько лет спустя, когда передавали полиции, так как Ашрам больше в нём не нуждался.

Всё это показывает, что при правильном подходе Багаван советовал и даже напрямую давал указания ученикам, хотя большинство людей, которые жили с ним, будут

отрицать это. Они никогда не пробовали правильно подойти, или, вероятнее всего, никогда и не намеревались получить разрешение. Они обманывали себя, что он отпустил их, и таким образом поступали так, как им хотелось.

Ганапати Шастри назначал встречи с европейцами, приглашал их посетить Ашрам, а затем уходил по другим делам, просто направляя их ко мне, говоря им, что я позабочусь о них. Разумеется, он никогда не предупреждал об этом, и для меня бывало полной неожиданностью, когда внезапно появлялись незнакомцы и начинали требовать меня.

Так было в случае с голландцем, я забыл его имя. Он путешествовал по Индии с помощником и фургоном, полным всяких инструментов, и записывал индийскую классическую музыку. Кажется, он получил стипендию от Оксфорда для путешествия. В любом случае, ни один из них не интересовался Багаваном, хотя они и посидели некоторое время в его присутствии. На самом деле они приехали, чтобы сделать запись Сама Веды. Сейчас тех, кто знает Сама Веду, мало, и они более ортодоксальны, чем остальные брамины. Ганапати Шастри, кажется, пообещал голландцу, что ему не составит труда найти то, что он хочет, если приедет в Тируваннамалай. Однако я не мог помочь ему в этом. Наконец, после многочисленных поисков они нашли двух браминов, которые знали Веду, но те отказались сделать запись. Этого следовало ожидать. Веды нельзя читать публично, (это правило в большинстве случаев уже не соблюдается) поэтому если сделать запись, то её затем можно будет воспроизводить всем и каждому, таким образом, нарушая правило.

Наконец, после долгих переговоров, брамины сказали, что они исполнят Веду для него при одном единственном условии: запись должна быть сделана в присутствии Багавана. Полный радужных надежд, голландец отправился к управляющему за разрешением. Не удосужившись подумать о последствиях, управляющий разрешение дал. Тогда фургон подогнали вплотную к Холлу и установили микрофоны в Холле. Багаван поинтересовался, что происходит. Когда ему всё объяснили, единственное, что он сказал, было: «Уберите это», и это было окончательно.

Голландец был разъярён. Ему помешали, когда успех был так близок. Он пришёл ко мне, крайне недовольный. Багаван не знает, каким важным делом он занимается. Действительно, в его глазах его работа была гораздо важнее, чем сам Багаван. Бесполезно было пытаться объяснить ему, что Багавана нельзя использовать как предлог для нарушения какого-либо правила. Пусть брамины позволят ему сделать запись где им угодно, Багаван и не подумает вмешаться. Но ни на секунду нельзя позволить, чтобы они потом сказали: «Мы сделали это с разрешения Багавана» (что, очевидно, и планировали).

Люди часто жаловались, что в столовой Ашрама соблюдаются кастовые различия, и почему Багаван разрешает это, когда сам вне каст.

Столовая была поделена ширмой, которая выдвигалась почти на всю ширину помещения. Багаван сидел на открытом месте под углом к ширме, и его было видно с обеих сторон. По одну сторону от ширмы сидели брамины, а по другую – все остальные. Многие были этим недовольны, и особенно тем, что Багаван допускает такие вещи, ведь разве он не вне каст? Конечно, он был вне каст, и именно поэтому принимал пищу вместе с обеими сторонами.

«Но почему он это позволяет?», – спрашивали люди.

Он не только позволял, но настаивал на этом.

Брамины приезжали в Ашрам, говорили, что с Багаваном все равны, и усаживались на стороне, предназначенной для не-браминов. Но Багаван возражал.

«Разве вы принимаете пищу вместе с не-браминами у себя дома?», - спрашивал он.

«Нет, но с Багаваном всё по-другому», - отвечали они.

«Так вы хотите использовать Багавана как предлог, чтобы нарушить ваши кастовые правила?», - спрашивал Багаван. «Если вы не соблюдаете касты вне ашрама, тогда нет возражений против того, что вы и здесь будете делать то же самое. Но вы пользуетесь Багаваном, как предлогом для совершения того, что у себя дома считаете неправильным».

Багаван никогда не ел во время солнечного или лунного затмения, этот обычай всё ещё соблюдается в Ашраме, где пищу начинают готовить только после окончания затмения. Он сказал мне, что желудок не переваривает во время затмения, и поэтому принимать пищу в это время вредно для здоровья. Однако он не совершал ритуальных омовений в начале и в конце затмений, как это принято у ортодоксальных браминов.

Он был очень изящен в движениях, и наблюдать, как он ест, было одно удовольствие. Он оставлял свой листок таким чистым, что казалось, что им ещё не пользовались. Аккуратно есть по-индийски – это само по себе искусство, и Багаван был в этом непревзойдённым мастером.

Он всегда был безупречно чистым, а его тело издавало едва уловимый аромат, хотя он никогда не пользовался ароматическим мылом. Одно время он нюхал табак, но бросил ещё до моего приезда в Ашрам. Он регулярно жевал бетель после обеда и перед тем, как уходил гулять на Гору; сразу после этого он тщательно полоскал рот. На его губах никогда не оставалось ни пятнышка, и жевал он лишь несколько минут, только для пищеварения.

Однажды утром Багаван собрался идти и ждал, пока слуга принесёт ему бетель, который всегда клали рядом с ним, когда наступало время для прогулки. По какой-то причине слуга не сделал этого. Все в Холле с нетерпением ждали, но ничего не могли поделать, так как управляющий никому не разрешал ухаживать за Багаваном кроме специально назначенных для этого людей. Наконец, Багаван встал и покинул Холл без бетеля. С того дня он никогда больше не жевал бетель. Он никому не причинял неудобств, даже слуге, чьей обязанностью было заботиться о подобных вещах, и он также не зависел ни от каких привычек. Мы все грустили по поводу этой неприятности, так как знали, что бетель действительно помогает телу переносить боль. Но какое значение имеет здоровье тела, говорил он, - «Тело само есть худшая болезнь».

Багаван всегда излучал потрясающее спокойствие, а в те дни, когда в Ашрам стекались толпы людей, например, в Дни рождения, *махануджи*, *Дипам*, это возрастало необыкновенно. Увеличение количества посетителей, казалось, открывает резервы скрытой силы, и сидеть рядом с ним в такие дни было великолепным переживанием. Взгляд его становился отсутствующим, он сидел совершенно неподвижно, как будто не осознавая окружающее, если не считать изредка появлявшуюся улыбку узнавания, когда какой-нибудь давний преданный простирался перед ним.

Багаван никогда не поощрял людей, которые приходили и начинали каяться в своих грехах. Он не позволял им продолжать, а прерывая их, говорил, чтобы они не задерживались в прошлом, а выяснили, кто они сейчас, в настоящем. Дело в том, что значение имеет не сам поступок, а привязанность к нему. Обращаться к поступкам прошлого – худшее, что можно делать. Это само по себе привязанность.

Через три месяца я переехал в комнату, построенную для меня в дальнем конце Ашрама, и Багаван пришёл туда на церемонию открытия. Он посидел короткое время, пока мальчики из города читали Веды. Наша школа Вед была открыта только в 1937г.

В марте 1939г. в Ашрам приехал Сомерсет Моэм. О его посещении написано много отчётов, и все они разные. Так как я был главным, кто занимался им, то решил привести свою версию. Его привезла в Ашрам мой друг, г-жа Остин, жена коллектора Мадраса. Сначала группа направилась в бунгало пообедать, но там было переполнено, и они прибыли в Ашрам. Они спросили меня, не найду ли я место, где они могли бы пообедать. Еду они привезли с собой. Я устроил это в маленьком помещении рядом со своей комнатой. Я уже пообедал и по их просьбе сидел и беседовал с ними, пока они обедали. Сомерсет Моэм задавал множество вопросов о моей жизни в Ашраме, извиняясь за своё любопытство.

К концу обеда, проходившего на веранде, Сомерсет Моэм, сидевший почти на солнце, упал в обморок. Об этом ходило множество нелепых историй; что он увидел Багавана, и это было состояние *самадхи*, случившееся от встречи, и т.п. На самом деле он вообще ещё не видел Багавана. Вероятно, это был небольшой солнечный удар, хотя сам он сказал, что подвержен подобным обморокам с рождения.

Мы перенесли его в мою комнату и уложили на кровать. Затем я пошёл к Багавану, рассказал, что случилось, и попросил его, когда он пойдёт на прогулку в 2 часа, прийти в мою комнату повидать Сомерсета Моэма, который сейчас не в состоянии прийти в Холл. Багаван согласился.

Я встретил Багавана по дороге, и когда мы подходили к моей комнате, Сомерсет Моэм как раз выходил оттуда. Он сказал, что теперь чувствует себя лучше и идёт в Холл. Я сказал, чтобы он вернулся в комнату и сел, так как Багаван сам пришёл к нему. Багаван и Сомерсет Моэм сидели напротив друг друга около получаса, не говоря ни слова. В конце Сомерсет Моэм нервно посмотрел в мою сторону и спросил: «Надо ли что-нибудь говорить?» «Нет», - ответил Багаван, - «Молчание лучше всего. Молчание само есть беседа». Ещё через некоторое время Багаван повернулся ко мне и по-детски сказал: «Думаю, мне лучше идти, они начнут меня искать». Это было верно, так как в Ашраме никто не знал, куда он пошёл, кроме слуги, который всегда сопровождал его. Когда Багаван вернулся в Холл, остальная часть группы осталась в моей комнате на чай. После чая Сомерсет Моэм, обутый в огромные сапоги, захотел пойти в Холл и посмотреть, где живёт Багаван. Я повёл его к западному окну, через которое он смотрел некоторое время с интересом, делая мысленные заметки. В своей посредственной и бесцветной статье «Святой», напечатанной в сборнике очерков через двадцать лет после событий, он пишет, что сидел в Холле в присутствии Багавана, но это неправда, потому что он не смог войти в сапогах, а заглядывал в Холл снаружи. Он приписал Багавану также немного философии, которой Багаван никогда в своей жизни не произносил. Но такова привычка знаменитых писателей, вкладывать своё собственное мнение в уста других.

В своей недавней статье Сомерсет Моэм говорит, что из-за обморока, который некоторые индусы приняли за высокое состояние *самадхи*, хотя сам он этого не признаёт, ему прислали множество литературы о Махарши. Возможно, это так, но определённо правда то, что он написал в Ашрам, что собирается писать о Багаване и просил прислать ему как можно больше материала. Он подчеркнул, что если напишет что-нибудь, это будет прекрасной рекламой Ашраму и Махарши. Как будто в этом была нужда! Он

говорит о Шанкаре и его философии адвайты, но, кажется, не имеет ясного представления, что это значит. Он перемешал разные теории различных школ, а затем приписал их Шанкаре и Багавану. Полагаю, это влияние теософии. Он говорит, что два основных принципа Шанкары - это Браман и *реинкарнация*. Это чепуха, так как ни один из них не имеет отношения к *адвайте*, они оба – двойственные понятия. Багаван никогда не обсуждал реинкарнацию, а задавал встречный вопрос: «Выясните, рождены ли вы сейчас; если вы даже не рождены, как вы можете *переродиться*?» В этом заключена сама суть предмета. В конце концов, каждый выяснит для себя, что есть лишь одно «Я», которое проявляется как бесчисленные эго, которые на самом деле нереальны, и есть не что иное, как преходящие тени.

В другом месте Сомерсет Моэм говорит: «Когда размышляешь, как полон мир страданий и горя, вряд ли можно удержаться от мысли, что Браман мог бы создать что-нибудь и получше, чтобы хорошо жить одному». В самом деле, г-н Моэм, это и есть ваша идея *адвайты*? Здесь мы снова должны спросить себя: «Для кого существует страдание?» Разве это Реальность, вечное «Я», лежащее в основе всего, страдает? Или это лишь воображаемое «я», которое не имеет фактического существования, представляет себе страдание?

И снова: «Для Махарши мир был местом страдания и печали». Какая полнейшая чепуха! Багаван всегда настаивал, что с миром всё в порядке. Все неприятности заключены в нас.

Читая Сомерсета Моэма, приходишь к заключению, что он снова преуспел как первоклассный сочинитель.

Багаван был неизменно добр ко всем животным, хотя не любил кошек, и, я думаю, мангустов, в основном из-за того, что они охотились на его любимых белок или бурундуков. Эти белки забегали в Холл через окно, прыгали по его дивану и по нему. Он кормил их орешками и ласкал их, у некоторых даже были имена. Кажется, их главной целью, было строить гнёзда за его подушками, чтобы они могли растить своё семейство под его покровительством. Змей и скорпионов никогда не разрешалось убивать. Иногда змея падала с крыши Холла ночью. Обязанностью слуги было идти позади с фонарём, провожая её до безопасного места, так как если нести фонарь спереди, он ослепит змею и собьёт её с толку. Мадхаван, лучший из слуг, который предугадывал малейшие желания Багавана, был специалистом поднимать скорпионов за хвост так, чтобы они не могли ужалить, и уносить их туда, где они не причинят вреда. К собакам Багаван всегда относился с нежностью. У одного щенка, который родился в Ашраме, был рахит. Багаван был очень заботлив и под его руководством я лечил его и, в конце концов, вылечил с помощью биохимических препаратов. Странно, но он оказался предателем и сбежал. Багаван сказал, что должно быть его убил какой-нибудь зверь, иначе он бы не исчез, но через несколько месяцев он явился с новым хозяином. Он проявил очень мало интереса ко всем нам и даже к Багавану. Это было непостижимо.

Если ашрамская собака лаяла, прогоняя кого-нибудь, и люди сердились на неё за громкий лай, Багаван защищал её, говоря, что она всего лишь исполняет свои обязанности в Ашраме. Однажды один щенок повадился облегчаться на площадке перед офисом. Чинна Свами приходил в ярость и хотел выгнать его из Ашрама, и снова Багаван пришёл на помощь. Он сказал, что если бы это сделал ребёнок, никто бы не рассердился, а щенок – тоже всего лишь ребёнок и не умеет по-другому.

Он особенно любил обезьян и часто говорил, что во многих отношениях они лучше людей. Они живут день ото дня, не планируя на будущее, и в их шалостях не бывает предварительного умысла. Он очень веселился, когда какая-нибудь обезьяна проскальзывала в Холл и хватала бананы, лежащие возле ничего не подозревающего преданного, который только что получил их в виде священного *прасада*. Он часто давал указания, чтобы их кормили, и во многом поощрял их к большому неудовольствию управляющих, которым они доставляли немало хлопот.

В Ашраме появилось много павлинов, но оказалось, что не все могут здесь находиться. Двоих принёс один деревенский житель, но они не остались, хотя их приносили два или три раза. Багаван сказал, что они ещё не готовы. Это крайне интересно и показывает, что не все подходят для жизни в его присутствии, и что даже животные появлялись там с какой-то целью. Он рассказал нам, как иногда люди перерождаются в теле животных для того, чтобы иметь шанс быть рядом с ним. Существует, конечно, знаменитый пример коровы Лакшми.

Жена правителя Бароды подарила Багавану белого павлина-самца и двух белых самок. Самец был особенно привязан к Багавану и никогда не отходил от него. Багаван в то время жил под навесом рядом со старым Холлом, который стал тесен из-за возрастающего количества посетителей. Возле дивана Багавана соорудили насест, и павлин спал на нём по ночам. Люди говорили, что это Мадхавасвами, бывший слуга Багавана, который умер незадолго до этого. Багаван ухаживал за этим павлином, ловил у него блох. Он учил его не есть гусениц и других насекомых и быть строгим вегетарианцем. В ночь кончины Багавана он стоял на крыше маленькой комнаты, где лежал Багаван, и беспрерывно кричал. Он умер через несколько лет в городе, так как цветные павлины прогоняли его каждый раз, когда он подходил к Ашраму. Однако они не вели себя так с самочками, а имели с ними многочисленное потомство.

Багаван однажды сказал мне, что мысль приходит вспышкой, ни одна мысль не является длительной. Это как переменный ток, всё происходит так быстро, что кажется непрерывным, как кажется постоянным свет от электрической лампочки. Если суметь сосредоточиться на промежутках между мыслями, а не на самих мыслях, это будет Самореализацией.

Он всегда учил, что ум и мысль – в точности одно и то же.

«Ум – не что иное, как множество мыслей».

Upadesa Saram. V. 18

И также, что эго и ум идентичны и появились вместе,

«С появлением эго, появляется всё остальное»

Ulladu Narpadu. V. 26

«Эго – корень всех мыслей»

Ulladu Narpadu. V. 40

Да, несомненно, но:

«Ум на самом деле есть только мысль «Я»»

Ulladu Narpadu. V.40

Эго так же непостоянно, как мысль, и совсем не имеет реального существования. Разве не говорят буддисты, что нет такой вещи, как эго? Что приводит нас прямо к *адвайте*.

Адвайта – это не то, что обычно имеет в виду монизм, и это не красное словцо, чтобы избежать трудностей. Это слово, конечно, означает Не-Два, но это не то же самое, что Одно, хотя специалисту нелегко увидеть в чём различие. Но если мы называем это монизмом, тогда предположив одно, мы подразумеваем целый ряд: одно, два, три и т.д. Этого ряда на самом деле не существует, есть просто Не-Два.

Когда мы видим вещи, мы видим двойственность; в некотором смысле эта двойственность не является нереальной, она нереальна только в том смысле, что есть Не-Два. Она есть внешне, но она непостоянна и мимолётна. Это скоротечное проявление называется *майя*, часто считается, что она означает иллюзию, но в действительности она означает «то, чего нет», или то, что ограничивает безграничное. На самом деле всё, что мы воспринимаем, находится в уме, а чувства – это лишь инструмент ума. Потому что в действительности иллюзии нет, есть лишь непостоянство.

Та же истина в основе всего. Каков же тогда выход, если всё не имеет постоянства и является лишь видимостью? Это, как учил Багаван, также относится к нашим телам и даже к нашим эго, которые мы считаем крайне важными, а теперь отвергаем их как мимолётные тени. Однако не надо унывать, так как за самой мимолётной внешностью должно что-то быть. Мы отпрыгиваем в сторону, думая, что увидели змею, и только потом выясняется, что это лишь верёвка. Но даже если змея и нереальна, верёвка существует. Поэтому очевидное решение нашей загадки состоит в том, чтобы искать и найти постоянное за непостоянным. Так объяснял Багаван. Он учил нас, как сделать это с помощью его метода самоисследования. Хотя эго меняется каждую минуту, хотя мы совершенно разные люди в каждый период своей жизни, для нас всегда существует «Я». И это очевидно не эго, так как мы уже видели, что эго меняется каждую секунду, в то время как «Я» всегда присутствует как наблюдатель. Выследим его источник с помощью этого метода самоисследования, и мы, в конце концов, осознаем Атман.

Если говорить о Багаване и о том, что он говорил, всегда будут появляться противоречия в его поучениях, но это только потому, что ему приходилось говорить с двух точек зрения. Его подлинное учение, которое никогда не поколебалось, состояло в том, что нет ничего кроме Атмана. Он всё видел как То и ничто иное. Но большинство людей были неспособны принять это. Они нуждались в расширенном толковании, поэтому необходимы были пояснения, а чтобы давать такие пояснения, ему приходилось говорить с ограниченной точки зрения собеседника. Я уже говорил, что Багаван никогда не учил *реинкарнации*, и это правда, хотя с нашей точки зрения он принимал её, как, по моему, и Будда. Как мог Багаван учить этому, если он видел лишь одно? Однако в «Беседах» он объясняет, как эго перерождается из одного тела в другое; пока сохраняется идея индивидуальности, ей нужна какая-то форма до тех пор, пока личность не перестанет существовать, и эта продолжающаяся индивидуальность состоит в постоянной перемене форм. Когда одна партия *васан* изжита, её место занимает другая. Подобное видимое противоречие всегда будет существовать для нереализованных. Багаван учил нас всегда смотреть в настоящее, выяснить, кто мы сейчас, в то время как *реинкарнация* откладывает всё на будущее. Какая разница, у вас будут многочисленные жизни, чтобы привести дела в порядок... Это, конечно, губительно для духовного развития, и возможно по этой причине христианство не разрешает проповедовать эту теорию, хотя указания на неё есть в Новом Завете и в других писаниях.

Через несколько месяцев медитации в присутствии Багавана я достиг определённой стадии, когда мною овладевал страх. Я спросил Багавана об этом. Некоторые из присутствующих в это время в Холле, но, конечно, не Багаван, уверяли меня, что это неправильно и совершенно нелепо. В действительности они смеялись надо мной за мою глупость. Багавану не было так смешно. Он объяснил, что это эго боится, так как чувствует, что постепенно теряет хватку. Оно в действительности умирает, и естественно, ему это не нравится. Он спросил меня: «Кто боится? Всё это из-за того, что мы привыкли отождествлять тело с Атманом. Повторяющийся опыт разотождествления делает это состояние привычным, и тогда страх автоматически исчезнет». Тогда я понял, что именно об этом страхе Багаван упоминает во втором стихе *Ulladu Narpadu*:

«только те, кто сильно боится смерти, спасаются у стоп Господа».

На самом деле это хороший знак, если следуешь методу самоисследования, хотя его надо преодолеть.

Потом некоторые из насмешников втайне приходили ко мне и говорили, что у них та же проблема и что им с этим делать? В методе, которому учит Багаван, есть один единственный ответ: исследуйте, для кого существует страх, идите за его пределы к свидетелю, и страх автоматически прекратится.

В дополнении к *Ulladu Narpadu* говорится, что единственного взгляда Махатмы достаточно, чтобы дать нам посвящение и он гораздо эффективнее, чем множество паломничеств, поклонение божествам и другие практики преданности. Я спросил Багавана об этом, глупо посетовав, что нахожусь с ним уже несколько месяцев и всё ещё не ощущаю в себе никакой перемены. Это взгляд, который очищает, сказал он мне, но это не видимое очищение. Для того чтобы загорелся каменный уголь, нужно время, древесный уголь загорается намного быстрее, а порох вспыхивает мгновенно. Так же и люди под мощным взглядом *джняни*.

Лет тридцать назад была написана серия книг о Мастерах в Гималаях, широко известных в некоторых оккультных кругах. Эти книги были переведены на разные языки и имели довольно большой успех в Германии. Мой немецкий друг говорит, что они вызвали сенсацию среди его знакомых. Прошло много лет с тех пор, как я сам читал их, поэтому мало что могу вспомнить о них, но я считал их довольно дешёвым мусором в то время, своего рода оккультным сенсуализмом, который люди определённого склада принимают за духовность. Среди прочих нелепостей подробно излагалось, как живут Мастера, спрятанные в самых глубинах гор, среди прочих упоминали и Мастера Иисуса, к которому, если я правильно помню, можно было попасть в автоматическом лифте, проходящем сквозь монолитную скалу. И почему Мастера захотели заключить себя в эту скалистую тюрьму, я никак не мог понять. Автором этих книг был американец, Бирс Сполдинг. Он приехал в Ашрам в 1936 году с группой американцев, в качестве их проводника к Мастерам. Их история была забавна, если не трагична.

Группа энтузиастов в Америке, по-настоящему поверивших заблуждениям Сполдинга, хотя, кажется, Сполдинг никогда раньше не был в Индии, организовала экспедицию для посещения Мастеров вместе с личным проводником. Им продали специальные билеты и назначили Сполдинга проводником. Им предложили не покупать обратных билетов, так как это было излишне; стоит только попасть к Мастерам и о них позаботятся, у них будет всё, что они хотят, и, конечно, они не захотят возвращаться в Америку в свои дома. Некоторые из них были бедными и продали всё своё имущество,

чтобы присоединиться к группе, столько было в них энтузиазма. Ведь их убедили, что когда они достигнут цели путешествия, деньги им больше не понадобятся.

Группа во главе со Сполдингом прибыла в Калькутту; когда они наконец прибыли в Тируваннамалай, их было около двенадцати, так как многие отсеклись по дороге. В Калькутте их разместили в гостинице, пока Сполдинг налаживал связь с Мастерами и получал указания, что делать. Каждый день он исчезал по своим мистическим поручениям, и каждый день возвращался с каким-нибудь оправданием. Группа естественно начала беспокоиться и подозревать, и хотела знать, когда же они смогут начать последний этап паломничества. Обстановка так накалилась, что Сполдинг больше не мог управлять ими. Однажды он вернулся и сказал, что встретил Поля Брантона, который пригласил всех между делом нанести визит в Ашрам Шри Раманы Махарши на Юге. Я так и не узнал, действительно ли он встретил в тот день Поля Брантона, я забыл спросить его. К этому времени некоторые члены группы достигли крайней точки раздражения и пошли своей дорогой, а остальные отправились со своим проводником в Ашрам. Обрести такое благоприятное завершение фиаско было огромной удачей, так как ни один из них иначе не попал бы к Махарши. Здесь они остановились на время и постепенно разъехались.

В это время в Ашраме Пондичери проходил один из *Даршанов*, куда Сполдинг и повёз остатки своей группы. Они все вместе остановились в той же гостинице, где в это же время оказался Поль Брантон, он тоже приехал на *Даршан*. Он рассказал мне, что однажды вечером после ужина состоялось «раскрытие карт», и они один за другим накинулись на Сполдинга, обвиняя его в том, что он их надул, что история о Мастерах была лишь выдумкой, и что он никогда раньше не был в Индии. Однако он не растерялся в этой ситуации и стоял на своём несмотря ни на что. Одного из них он обвинил в присвоении комиссионных с продажи билетов, а других – в различных проступках, пока не сломил каждого по очереди. Из Пондичери те, кто действительно был заинтересован в духовных делах, вернулись к Багавану, среди них был и Сполдинг. Я немного был с ним знаком, и мне он понравился. Он казался честным человеком, который очевидно страдал от иллюзий. Он рассказал мне фантастические истории, в которые, несомненно, верил сам, поэтому, возможно, его и не следовало винить, в конце концов. Несомненно, он никогда бы не решился возглавить такую экспедицию, которая могла завершиться только провалом, если бы не был слегка сумасшедшим.

В этой группе было несколько очень симпатичных и искренних людей, и невольно кажется, что их намеренно привели к Багавану таким необычным путём. Хорошо помню одну пару, Тэйлоров. Г-н Тэйлор был почтмейстер в отставке. Они очень привязались к Багавану. Однажды г-жа Тэйлор сидела в Холле с Багаваном и вдруг сказала: «Багаван, я желаю самореализации».

«Ждите», - ответил Багаван, - «она придёт в нужное время».

«Нет», - сказала она, - «это не хорошо. Я хочу здесь и сейчас».

Багаван пытался объяснить ей, что когда она будет готова, всё произойдёт правильно. Но она настаивала. Она должна получить это здесь и сейчас, и он может ей это дать. Багаван ничего не ответил, но внимательно смотрел ей в глаза около пяти минут. Внезапно она разрыдалась и выскочила из комнаты, но никогда никому не рассказывала, что случилось.

Был ещё один пожилой джентльмен, др. Хэндс. Он оставался, думаю, когда все остальные уже разъехались. Он закончил тем, что в последний вечер добровольно прочитал в Холле лекцию об Индии, индийском сельском хозяйстве и о многих вещах, о которых у него могло быть лишь поверхностное представление. Он писал книгу о решении всех проблем Индии, но не знаю, вышла ли она в свет.

В годы войны я никогда не читал газет. На самом деле я перестал читать газеты за некоторое время до начала войны. Думаю, что это было своего рода бегство от действительности, но я не очень далеко убежал, так как даже лучшие из индусов пользовались малейшей возможностью прийти ко мне и позлорадствовать, что союзники проиграют. Они не позволяли ни одной произошедшей трагедии избежать моего внимания. Они, конечно, вымещали на мне какие-то свои старые обиды, множество из которых были созданы политической пропагандой их лидеров, кроме присущего ощущения подчинённости, созданного их положением подневольного народа. К концу, однако, они стали намного менее общительными. Многие из них теперь понимают, что произошло бы с Индией, если бы гитлеровская Германия и её союзники победили. В стране царил бы хаос. Но, хотя я не читал газет, их читал Багаван. Он педантично сообщал мне, если в газетах появлялось что-то касающееся британских граждан, например, сообщения Британского Общества, которое отвечало за спасение британцев. Конечно, его совершенно не трогала война и её ход. Возможно, он видел её как очередной поворот колеса Кармы. Говорят, что однажды он заметил: «Кто знает, может быть, Гитлер *джняни*, божественный инструмент». Он определённо был человеком судьбы. Отрицать это, критикуя многие его действия как зло, неправильно. Для *джняни* не существует добра и зла. Есть только действие – спонтанная деятельность или бездеятельная активность дао. Это не влечёт кармических последствий. И всё-таки кажется сомнительным, что действия Гитлера были совсем бескорыстны, хотя всё возможно.

До своего приезда в Индию я читал о таких людях как Эдвард Карпентер, Теннисон и многих других, кто имел вспышки так называемого «Космического Сознания». Я спросил Багавана об этом. Возможно ли, однажды обретя самореализацию, снова её потерять? Конечно, возможно. Чтобы подтвердить это, Багаван взял том *Кайвалья Наванита* и попросил переводчика прочитать мне страницу оттуда. На ранних стадиях *садханы* это вполне возможно и даже вероятно. Пока малейшее желание или связь остаётся, человек будет вовлечён обратно в мир явлений, объяснил он. Ведь именно наши *васаны* не дают нам всегда быть в естественном состоянии, а от *васан* нельзя избавиться внезапно или при помощи вспышки Космического Сознания. Можно выработать их в предыдущем существовании, оставив немного для работы в этой жизни, но в любом случае сначала они должны быть уничтожены.

Мне напомнили, как Рамакришна сказал, что пока хоть одно желание остаётся неудовлетворённым, придётся продолжать рождаться, чтобы исполнить его. Он сказал, что сам когда-то хотел носить шёлковую одежду и золотое кольцо, сидеть и курить хуку. Однажды он попросил Матхуру Ната достать ему эти вещи. Когда ему их принесли, он сел на берегу Ганги одетый в шёлковую ткань, выставил напоказ золотое кольцо на пальце, и курил хуку. Затем он сказал себе: «Вот я одет в шёлк, смотрю на своё золотое кольцо, да, я курю хуку». Некоторое время он продолжал наслаждаться всем этим. Затем встал, выбросил кольцо в реку, сорвал шёлковую ткань, растоптал и плюнул на неё, и разбил хуку. Он исполнил своё желание и больше не хотел всё это делать.

Но предположим, вы избавились от большинства своих *васан*, как на самом деле происходит достижение? По этому вопросу достижения самореализации Багаван рассказал мне, что на ранних стадиях регулярно медитирующий человек обычно сначала впадает в транс, который может длиться около тридцати минут, и если он надлежащим образом продолжает совершать *танас*, подобное *самадхи* будет случаться чаще. Он будет так увлечён им, что не сможет думать ни о чём, кроме того, как бы ускользнуть в спокойное местечко, где можно медитировать беспрепятственно. Он потеряет интерес ко всему остальному до тех пор, пока не будет всегда пребывать в Атмане и медитация больше не будет необходима.

Тогда он достиг *сахаджа самадхи* или своего естественного состояния. Однако не существует установленных правил. Некоторые могут обрести это состояние тихо и незаметно, даже не обязательен процесс медитации. Однако, пояснил Багаван, хотя в самореализации нет никаких стадий, есть углубление в *садхану*, как описано выше.

В индуистском духовном словаре есть термины *манолайя*, *савикальпа самадхи*, *нирвикальпа самадхи* и *сахаджа самадхи*, и они могут вызывать путаницу у тех, кто не знаком с терминологией.

Манолайя – это просто пустой ум. *Адвайтистов* часто обвиняют в попытках достичь этого, что довольно нелепо, хотя иногда мне встречались те, кто говорил, что это их цель, и они были бы совершенно счастливы, если бы смогли достичь этого. Я говорил им, что они достигают этого каждую ночь во сне, поэтому какая польза подвергать себя разным лишениям, проводить много часов в медитации, чтобы получить то, что можно получить, просто ложась в постель?

По этому поводу Багаван рассказывал историю одного йога, совершавшего *танас* на берегу Ганги. Йог попросил ученика принести ему воды, а тем временем впал в состояние *манолайи*. Через тысячу лет он очнулся, и первым делом потребовал воды, но ученик уже превратился в скелет рядом с ним, а Ганга поменяла русло и вся страна изменилась. Какую пользу принёс долгий транс? Это была лишь пустота, когда остановилось время.

Савикальпа самадхи – это состояние глубокой медитации, когда погружаешься в покой, но всё ещё остаётся осознание личности. Вы знаете, что медитируете, и можете сознательно продолжать *садхану*.

В *нирвикальпа самадхи* достигнуто состояние, в котором личность потеряна и полностью растворилась в Атмане. Как бы долго оно ни продолжалось, оно лишь временно, вы, в конце концов, должны вернуться в нормальное состояние сознания. Невозможно функционировать в этом состоянии, и пока оно длится, вы находитесь в транс. Обычно оно предваряет окончательное состояние. Но Багаван достиг *сахаджа самадхи* сразу без промежуточного состояния. Многие считают *нирвикальпа самадхи* окончательным, и, достигнув его, дальше не идут.

Сахаджа самадхи – это окончательное и самое блаженное состояние, цель всей йоги. В этом состоянии личность полностью растворена в Высочайшем Атмане. Его личность, которая была потеряна в *нирвикальпа самадхи*, расширилась и теперь является Высочайшим Атманом и знает себя как такового. Трансы больше не нужны, человек может продолжать обычные повседневные дела, но он больше не отождествляет себя с деятельностью, а наблюдает её, как будто смотрит сон. Больше нечего делать и нечего

достигать. Это Высочайшее Состояние Абсолютного Счастья. Простыми словами Багавана, это Атман, и любой может осознать его с помощью самоисследования.

Слово «йога» означает союз, единение. Есть четыре основные школы йоги: *джняна*, *бхакти*, *хатха* и *карма*, а также ряд второстепенных школ, которые обычно являются сочетанием двух основных. В любом случае, почти невозможно выделить одну из всех как железную систему. Как говорил Багаван, чтобы знать Бога (*джняна*, путь мудрости), надо любить Бога (*бхакти*, путь преданности), а чтобы любить его, надо знать его, и для этого часто практикуют *хатха* йогу и *карма* йогу. *Хатха* йога сама состоит из разных упражнений, телесных поз и управления дыханием, а *карма* йога – это йога работы и включает чтение Вед, детально разработанные *пуджи*, а также ежедневные очистительные церемонии. Существует много второстепенных школ, таких как тантра, кундалини и др.

Багаван, разумеется, никогда не обучал ни одной из них, хотя однажды я видел, как он давал пояснения по йоге, вещь почти неслыханная, одному индусу с Севера, который занимался кундалини йогой. Это можно объяснить тем фактом, что Багаван видел, что с помощью этого и только этого метода сможет продвинуться этот человек. Однако обычно он советовал не терять времени на эти практики, которые ведут длинным обходным путём, если можно идти напрямую, занимаясь самоисследованием.

В течение последних нескольких месяцев жизни Багавана только слугам разрешалось быть возле него. Однажды вечером прибыл человек с Севера и получил специальное разрешение на личную беседу с Багаваном. Конечно, ему пришлось работать с переводчиком, и именно от него я узнал эту историю, хотя через окошко видел, как проходила беседа.

Человек объяснил Багавану, что он практикует *кундалини* йогу; что может поднять силу вверх до определённой *чакры*, и что там она застревает, и он не может продолжать. Что ему делать? Багаван подробно объяснил, и йог покинул его совершенно удовлетворённый.

Вот классические примеры четырёх видов йоги в наше время: *джняна* – Шри Рамана Махарши; *бхакти* – Шри Рамакришна Парамхамса; *йога* – Шри Ауробиндо из Пондичери; и *карма* – Шри Шанкарачарья из Канчи Питам, единственный из вышеперечисленных, который ещё находится в теле.

Багаван несколько раз в день ходил гулять на Гору, и иногда рассказывал нам, что видел внутри Горы огромный город с большими домами и улицами. Всё это было очень таинственно. Он видел там большое собрание *саду*, читающих Веды. Большинство постоянных преданных были там, сказал он, и он видел там и меня. «Но это только видение», - заметил кто-то. «Всё вот это тоже всего лишь видение», - отвечал он, имея в виду наш мир. «То так же реально, как и это».

Мы знали, что *джняни* вне времени, что прошлое и будущее содержатся в настоящем, поэтому меня заинтриговало, чем же именно на самом деле было это видение *саду*. Было ли это тем, что произошло в прошлом? Мне так не думалось, хотя Багаван говорил, что я был здесь раньше, или это то, что произойдёт в будущем воплощении? Кто мог сказать? Багаван не помог. У него было много подобных историй, но не было никаких объяснений. «Я не знаю, что это значит», - обычно говорил он.

Как сказано выше, для *адвайтиста* нет такой вещи, как *реинкарнация*. Если это всегда непостоянно, чему перерождаться? Багаван всегда отрицал, что кто-либо рождён,

поэтому как он может быть перерождён? «Исследуйте и выясните, рождены ли вы сейчас», - поучал он. Однако для тех, кто верил в реальность эго, он признавал *реинкарнацию*.

Однажды вечером в Холле шёл разговор о *реинкарнации*. Как раз когда Багаван поднимался с дивана, чтобы идти на ужин, я в шутку сказал: «Но Алан Чадвик не рождался раньше». «Что, что он сказал?» - спросил Багаван резко. «Он сказал, что он никогда раньше не рождался», - неверно перевёл кто-то. Конечно, я всего этого не говорил. Я имел в виду, что какую бы форму ни принимало раньше эго, оно никогда не имело имени Алан Чадвик, но было совершенно другим человеком. Но Багаван в ответ на неправильный перевод быстро сказал: «О, да, он рождался, иначе, что бы привело нас всех вместе сюда снова?»

Он никогда не спрашивал, что привело нас к нему, но что привело нас опять к Аруначале. Настолько полно он отождествлял себя с Горой. Этот ответ, хотя и вызванный ошибкой, всегда доставлял мне радость, так как Багаван признал давнюю связь между нами. Поэтому и должен я всегда быть с ним до самореализации, после которой уже не будет его и меня. Я обычно говорил, что должен достичь самореализации в этой жизни, или Багавану придётся родиться снова, чтобы я мог быть с ним. Поэтому для его же пользы он должен проследить, чтобы я получил окончание в этой жизни. Багаван только улыбался. Хотя это было сказано в шутку, за ней скрывалась фундаментальная истина.

Багаван был глубоко заинтересован в строительстве Храма над могилой его Матери. Он посещал каждую церемонию, связанную с ним, возлагал руки с благословением на различные предметы, которые должны были поместить в его стенах. По ночам, когда никого не было рядом, он ходил и ходил вокруг стройки, освящая её. То, что он принимал в чём-то такое демонстративное участие, имеет очень глубокий смысл. Это бывало крайне редко, и многие сомневаются в этом, но я сам был свидетелем и ручаюсь, что это правда.

Он лично интересовался тем, как вырезали из гранита Шри Чакра Меру, который установлен в храме и которому регулярно поклоняются. Это квадрат примерно полутора футов и пропорциональной высоты. В предпоследнюю ночь перед *Кумбабхишекам*, когда божества поливают священной водой, он сам руководил работой во внутреннем святилище. Ночь была необыкновенно жаркой, жары добавляли три угольные реторты для цемента, и внутри замкнутого помещения святилища, наверное, было невыносимо, но около полутора часов Багаван сидел там, подсказывая рабочим, что делать.

В последнюю ночь церемонии он вошёл с процессией, открыв двери нового Холла и храма, прошёл прямо во Внутреннее Святилище, где стоял около пяти минут, возложив в благословении обе руки на Шри Чакру. В ту ночь я был рядом с ним всё время; это было необычно, поскольку я намеренно избегал активного участия в подобных вещах, предпочитая наблюдать сзади. Странно, но что-то заставило меня держаться рядом с ним на этот раз, и поэтому я узнал о его глубокой заинтересованности в Храме, особенно в Шри Чакре. Именно благодаря этому знанию после кончины Багавана я оказался инструментом для убеждения ашрамских властей установить Шри Чакра *пуджи* шесть раз в месяц. Объяснение этого необычного поведения со стороны Багавана можно найти в том, что Шива обязательно должен всегда находиться в сопровождении Шакти. Иначе мир остановится. В единственный раз, когда такая *пуджа* была проведена при жизни Багавана вскоре после открытия Храма, он отказался уходить на ужин и остался

наблюдать её до конца. Кто-то заметил, какая она была великолепная и хорошо бы было, если бы такие *пуджи* проводили регулярно. «Да», - ответил Багаван, - «но кто станет беспокоиться об этом?» Сейчас об этом беспокоятся и, без сомнения, с благословения Багавана.

Не думаю, что кто-нибудь из тех, кто писал о Багаване и Ашраме, упомянул этот необычайный факт: здесь мы имеем Храм, освящённый *джняни*; подобных не может быть очень много, и в этом должен быть очень глубокий смысл. Множество преданных, приезжающих в Ашрам, уделяют время только Самадхи, где погребён Багаван. Я не претендую на понимание, почему он сделал это, и каковы будут последствия, но определённно, что освящённый таким образом, этот храм должно быть, очень священное место и его духовная сила распространяется по всей Индии.

Багаван учил, что сон и бодрствование – совершенно одинаковые состояния. Я всегда считал это трудным для понимания, и часто расспрашивал его на эту тему. Он говорил, что все мои вопросы о сне возникают только в состоянии бодрствования, они никогда не появляются во сне. Какой тогда в них может быть смысл? Всё – всего лишь проекция ума. Но поскольку ты находишь, что сны преходящи по отношению к бодрствованию, ты воображаешь, что между ними есть разница. Она только кажущаяся, она не реальная. Сон существует для того, кто думает, что не спит, но на самом деле и сон, и бодрствование совершенно нереальны с точки зрения Абсолюта. Вы не сомневаетесь в своём состоянии, пока спите, вы сомневаетесь в нём только когда проснулись. Разве это справедливо?

И всё же, зная учение Багавана, что всё только кажется и является созданием ума, я находил его учение о сне трудным для понимания. Потому что бодрствование казалось мне продолжительным, переходящим изо дня в день. Каждый день я просыпался в том же самом мире, в то время как мои сны всегда были разными, они были отдельными. Однако Багаван никогда не признавал этой отдельности и повторял, что сомнения возникают только в бодрствовании и никогда во сне. Тогда мне приснился сон:

Я обсуждал с кем-то тему сна и во время беседы сказал: «Что бы вы ни говорили, Епископ Беркли был прав, вещи существуют только в уме, вне этого реальности нет. Вещи просто не существуют; поэтому сон и бодрствование должны быть совершенно одинаковыми. Они – лишь представления в уме». «Вы говорите это сейчас», - ответил собеседник, - «но во сне вы бы так не сказали». И я проснулся. Всё это было очень ярким.

Некоторые не могут понять, как это связано с вышесказанным. Но дело в том, что сон был так реален, что я ни разу не усомнился, что это бодрствование. Оба состояния были совершенно одинаковы.

Багаван постоянно подчёркивал, что всё в уме, и что сам ум – это только преходящее явление. «Кто тот, который за умом?» - всегда спрашивал он. «Узнайте, кто он, и ум сам автоматически исчезнет». Чтобы сделать это, надо всегда искать источник «я» с помощью исследования «Кто Я?». Этот процесс часто понимают неправильно, хотя на самом деле учение Багавана вполне понятное. В этом исследовании надо искать не какой-то трансцендентальный «Я-Абсолют», но само это и место, из которого оно поднимается. Выясните это, и эго автоматически исчезнет. Тогда станет понятно, что нет ничего, кроме Атмана. Это как идти вдоль ручья до его истоков в горах, и когда вы дошли до того места, где он начинается, самого ручья больше нет. Источник, ум, эго – это одно и то же и не могут существовать отдельно друг от друга. Ум не может знать Атман, как он

может познать то, что вне ума? Поэтому невозможно даже для *джняни* объяснить своё состояние словами, которые принадлежат уму. Знать это значит быть этим. Другого пути нет.

Багаван говорил, что ум как обезьяна, никогда ни на секунду не останавливается, почти безнадежное дело пытаться успокоить его; лучшее, что можно сделать, это дать ему полезное занятие и не позволять ему растрачивать себя по пустякам, создавая бесконечные картинки. Пусть сосредоточится на «Кто Я?» и тогда не останется места для других мыслей. Это как воспользоваться колючкой, чтобы вынуть другую колючку из ноги. Тем не менее, Багаван часто говорил нам: «приложите усилия, чтобы быть без усилий». Это, несомненно, предполагает, что ум уже достиг некоторых успехов в возвращении к себе.

Многие отождествляли Багавана с Дакшинамурти, безмолвным Гуру. Хотя он не был так молчалив, как многие думают, он действительно мог соблюдать глубокую тишину, когда общался со своими учениками в их сердцах. Люди приходили к нему, одолеваемые сомнениями, сидели в его присутствии и уходили, не задав ни одного вопроса, прояснив все свои сомнения. Он сам говорил: «Тишина – это лучшая *Упадеша*, но это подходило только продвинутым ученикам; другие не способны получить от этого полное воздействие, поэтому они пользуются словами для объяснения Истины. Но Истина за пределами слов. Она не допускает объяснений. Лекции могут развлекать слушателей несколько часов, не оказывая на них никакого влияния, в то время как тишина действует постоянно и приносит пользу всем. Даже если вы не понимаете, это не имеет значения. Это непрекращающееся красноречие. Совершенен изначальный гуру Дакшинамурти, и он учит в молчании».

В каждом южноиндийском храме Шивы на южной стене всегда присутствует образ Дакшинамурти (бога, обращённого лицом на юг), которому оказывают надлежащее почтение. Он сидит под деревом баньяна. У его ног четыре ученика. Его левая нога лежит поперёк на правом колене, а правая покоится на фигуре, представляющей эго. У него четыре руки. Одна рука даёт благословение мистическим знаком, известным как *чинмудра*, другие три держат соответственно факел (просветление), книгу (мудрость) и барабан (или *damaru*, звук творения).

Вот его история: Брама устал от творения и захотел уйти на покой, поэтому он создал четырёх Кумаров, чтобы они заняли его место. Но они не имели ни малейшего желания сделать это, а потребовали от него посвящения в тайну достижения освобождения. Отец отказал им в этом. Тогда они покинули его и отправились на поиски. В конце концов, они встретили внушающую ужас фигуру, сидящую под баньяном. Здесь они остались и получили наставление, которого искали, которое дано было в молчании. В молчании, потому что никакие слова не могут выразить то, что за пределами всех слов и ни один ум не может ухватить то, что за пределами ума. Молчание – это самое совершенное поучение.

Дакшинамурти известен как безмолвный Гуру, Гуру всех Гуру. Хотя ему ежедневно поклоняются во всех шиваитских храмах Юга, несколько храмов посвящены ему. Дакшинамурти – это аспект Шивы - отшельника.

Примером того, насколько красноречивым может быть молчание для искреннего искателя, послужит случай, который я сам наблюдал в старом Холле несколько лет назад: Один джентльмен из Кашмира приехал в Ашрам со своим слугой, который ни слова не

знал ни на каком другом языке, кроме родного кашмири. Однажды вечером, когда в Холле было почти темно, и лишь бледно мерцал единственный фонарь, слуга вошёл в Холл, уважительно склонился перед Багаваном и что-то быстро бормотал на своём языке. Багаван ничего не говорил, но спокойно лежал, пристально глядя на него. Через некоторое время слуга поклонился и покинул холл. На следующее утро его хозяин пришёл к Багавану и стал жаловаться: «Багаван, ты никогда не говорил мне, что разговариваешь на кашмири, разве это честно?»

«Что ты имеешь в виду?», - спросил Багаван. «Я ни слова не знаю на твоём языке».

Багаван спросил джентльмена, откуда он взял эту бредовую идею, и тот пояснил:

«Вчера мой слуга пришёл к тебе и задал несколько вопросов на своём языке. Он говорит, что ты ответил ему на том же языке и развеял все сомнения».

«Но я даже рта не раскрыл», - сказал Багаван.

Багаван не любил, чтобы к нему прикасались. Только его личным слугам разрешалось это делать. Люди желали касаться головой его стоп или одеть ему на шею гирлянду. Это стало приносить столько хлопот, что пришлось поставить невысокую ограду вокруг его дивана, чтобы люди перестали подходить к нему слишком близко. Возможно, из-за этого он никогда не давал посвящения прикосновением. Удивительно, но некоторые сильно обижались на то, что им не разрешается прикасаться к нему, они смотрели на него как на общественную собственность, и думали, что все и каждый имеет право досаждать ему столько, сколько хочет. Однажды, когда одна старушка донимала его, мужчина, сидевший рядом со мной, очень возмутился, что её постоянно останавливают. «Почему она не должна, если ей хочется?» - спросил он. Удобство Багавана даже не рассматривалось.

Есть три способа посвящения: возложить руки на человека, обычно на голову; дать *мантру*, которую шепчут на ухо; и через глаза. Обычно признавалось, что Багаван делал это только через взгляд, хотя он никогда не говорил, что посвятил кого-то, это происходило без внешних атрибутов. Он всегда отказывался класть руки на голову, хотя очень многие умоляли его об этом. Однако я знаю об одном исключении.

Пожилой саньясин приехал из Майсора, он был отставным станционным смотрителем. Багаван с самого начала, казалось, очень симпатизировал ему и был необыкновенно¹ добр. Когда он собирался уезжать из Ашрама, вместе с другом, который выступил в роли переводчика, он вошёл в Холл, оказавшийся пустым в это время. Багаван только что вернулся с прогулки после обеда и сидел на диване. Саньясин взмолился Багавану, чтобы он положил ему руки на голову, встал на колени рядом с диваном, и положил голову на диван. Багаван повернулся к нему и, ни слова не говоря, положил обе руки на его голову на несколько минут. Затем саньясин поднялся и в великом волнении покинул Холл.

Багаван всегда предостерегал своих учеников брать на себя тягостные обязанности Гуру. Это приведёт лишь к неприятностям. Ученики будут ожидать от своего Гуру всяческих невозможных вещей, и, пытаясь им угодить, он неизбежно прибегнет к мошенничеству. Кроме того, даже если он может совершать чудеса, их следует избегать, так как они непостоянны и только уведут его с истинного пути.

Анантанараяна Рао сказал, что однажды, когда он ухаживал за Багаваном во время его последней болезни и умолял его продолжать жить ради преданных, Багаван ответил:

¹ Хотя Багаван был неизменно добр ко всем и каждому, он не всегда казался таким.

«Главная обязанность Гуру – это утвердить в своих учениках уверенность в своём существовании, а сделав это, он волен покинуть своё тело». Ещё одно доказательство того, что Багаван признавал, что его отношение к ученикам – это отношение Гуру.

Багаван сказал, что главные *садханы*, которые мы должны совершать – это есть только саттвическую пищу и соблюдать *самсанг*. Больше он не устанавливал никаких правил. Он сказал, что ум целиком состоит из пищи, которую мы потребляем, и она должна быть здоровая и строго вегетарианская. Однако он никогда не вмешивался и ничего не навязывал людям. Пища в Ашраме была очень острая, жители Южной Индии привычны к такой еде, и Багаван не жаловался, он сам был южанином. Его отношение было таково: они знают, что надо делать, и если предпочитают этого не делать, это их право. Однако он был категорически против употребления мяса. Однажды в мои первые дни пребывания в ашраме кто-то распустил слух, что я готовлю мясные блюда у себя на кухне. Конечно, это была ложь, на самом деле моя пища была гораздо более саттвической, чем еда в Ашраме. Когда Багаван услышал это, он сказал: «Мы не хотим здесь подобных вещей».

Что касается *самсанга*, поскольку очевидно, что мы приобретаем окраску того общества, в котором находимся, идеальным является жить с Реализованным Мудрецом; но если это невозможно, тогда мы должны выбирать лучшее, избегая нежелательного общения. Он никогда не читал морали, и не питал особого отвращения к сексу. Однажды я слышал, как он ответил обеспокоенному ученику: «Лучше делать это, чем постоянно думать об этом». Вспоминаются слова из Гиты: «Мысли – это поступки в воображении». Всегда думать об этом – значит всегда делать это. Он естественно предполагал, что саду ведут праведную жизнь и являются примером для других. В любом случае, мы должны практиковать умеренность во всём, даже в том, что считаем хорошим, и, хотя это может показаться странным, также рекомендуется умеренность в *садхане*. Чрезмерные лишения и длительная, силой навязанная медитация, в конце концов, могут привести к сумасшествию, если мы совершаем всё это без надлежащего руководства.

Однажды я видел, как Багаван казался по-настоящему рассерженным, атмосфера в Холле была наэлектризована; чувствовался страх. Причиной было прибытие в город одного популярного *свами*, который всем и каждому давал посвящение, то есть любому, кто приходил к нему без какой-либо подготовки. Он обучал каким-то дыхательным техникам, которые оказались очень опасными для тех, кто занимался ими без соблюдения необходимых ограничений. Он был в моде недолго, и, к счастью, о нём вскоре забыли, а те немногие, кто практиковал его учение, вскоре прекратили. Однако не обошлось без потерь в виде тех, кто лишился рассудка. Свами Рамдас рассказал о нём в одной из своих книг. Однажды вечером двое учеников этого *свами* пришли в Холл, прямо перед ужином. Они задали Багавану несколько вопросов, на которые он охотно ответил, но они не приняли ни один ответ и пытались выставить его неправым. Багаван был очень терпелив с ними и долго пытался их вразумить; но, в конце концов, их дерзость дошла до того, что Багаван вспылал и грозно обрушился на них. Но они оказались столь непробиваемыми, что это, не подействовало. Наконец, их силой выставили из Холла и выпроводили из Ашрама, а Багаван заметил, что «они пришли сюда попытаться разрушить это учение».

Как только эти двое покинули Холл, Багаван больше не проявил ни малейшего признака гнева, и не осталось ни одной морщинки беспокойства, всё было только на поверхности. Сразу после этого кто-то вошёл в Холл и задал Багавану обычный вопрос.

Багаван ответил спокойно, как будто ничего не произошло, всё происшествие явно было полностью забыто.

Однажды в одной из бесед с Багаваном я сказал, что пытался избавиться от тела. Багаван сказал, что человек сбрасывает одежду и остаётся голым и свободным. Но Атман безграничен и никоим образом не ограничивается телом, поэтому как можно избавиться от тела? Где Атман оставит его? Атман всеобъемлющ. Где бы то ни было, везде – Атман. Высочайшая Истина так проста – всего лишь быть в своём естественном изначальном состоянии. Однако великое чудо, что понадобилось несколько религий, чтобы учить такой простой истине, и что так много споров идёт между ними о том, которое именно учение предписано Богом. Какая жалость! Просто будь собой, вот и всё.

Я заметил, что люди не желают простоты. «Точно», - сказал Багаван, - «они хотят чего-нибудь сложного и таинственного, вот почему на свет появилось столько религий. Например, христианин не будет удовлетворён, пока ему не скажут, что Бог прячется где-то на Небесах и его нельзя достичь без помощи церкви. Только Христос знал Его, и лишь Христос один может привести нас к Нему. Но если им сказать простую истину: «Царство Божье внутри вас», - они не будут удовлетворены и начнут искать в этом сложное и далеко идущее значение. Только те, кто созрел, могут понять истину в её обнажённой простоте».

Во время войны в Ашрам приехал человек невысокого роста, наполовину индус наполовину японец, хотя больше был похож на индуса. У него была книга бесед Кришнамурти. Он очень дорожил ею и задавал Багавану множество вопросов. Багаван был с ним очень добр и терпелив. Позднее мне даже казалось, что Багаван сочувствовал ему, предвидя его судьбу. Однажды в одной из местных школ, где он выдавал себя за профессионального фотографа, он чем-то раздосадовал мальчиков, и они стали дразнить его, и сорвали с его руки часы, которые оказались вовсе не часами, а миниатюрным радиоприёмником. Из-за этого его забрали в полицию как японского шпиона и, возможно, его постиг неминуемый конец, как бы то ни было, мы больше никогда его не видели. Мы можем лишь сказать, что он был хорошо подготовлен Багаваном.

Однажды Багаван рассказал нам, что тело тамильского святого Маникавачагара полностью исчезло в ярком пламени света. Я спросил, как это произошло, и он объяснил, что тело – это затвердевший ум. Когда ум растворяется в *джняне* и поглощает себя в ярком пламени света, тело сжигается в этом процессе. Он привёл ещё один подобный пример – Нанданара. Я вспомнил случай из Библии, когда Илия был вознесён на Небеса в огненной колеснице – поэтическое описание того же явления. Я спросил, похоже ли на это исчезновение Христа из могилы, но Багаван сказал, что это совсем другое, так как тело Христа оставалось после смерти какое-то время, а тела других были немедленно и полностью поглощены. Он объяснил, что тонкое тело состоит из света и звука, и что грубое тело – это затвердевшая форма того же самого.

Люди часто говорят, что Багаван был *аватаром*, желая таким образом добавить ему славы; но для подобных заявлений нет совершенно никаких оснований, кроме того, что *аватаром* можно назвать каждого, поскольку каждый из нас – это Бог в человеческом теле. Однажды *саньясин*, принадлежавший к известному ордену, считавший, что только их Гуру достиг самореализации, допрашивал Багавана в самой агрессивной и грубой манере.

Саду: «Говорят, что вы – *аватар* Субраманьи. Что вы об этом скажете?»

Багаван ничего не сказал.

Саду: «Если это так, почему вы молчите об этом? Почему бы вам не рассказать нам правду?»

Багаван не ответил.

Саду: «Скажите нам, мы хотим знать».

Багаван (тихо): «*Аватар* – лишь частичное проявление Бога, а *джняни* – это сам Бог».

В этом заключается вся разница между *адвайтой* и другими философиями. По *адвайте* нет ничего, кроме Атмана. Нет места для таких особых проявлений, как *аватары*. Человек либо самореализован, либо нет. Нет никаких уровней.

Многие говорили, что Багаван не даёт инициации и не имеет учеников, хотя те, кто жил с ним не сомневались в том, что между ними и Багаваном существует связь. Мне было интересно, что сам Багаван скажет по этому поводу, поэтому однажды вечером после ужина состоялся следующий разговор.

У.: «Багаван говорит, что у него нет учеников».

Б.: (подозрительно глядя на меня): «Да».

У.: «Но Багаван также говорит, что большинству искателей необходим Гуру?»

Б.: «Да».

У.: «Что же мне тогда делать? Я проделал весь этот путь сюда и сижу у ног Багавана все эти годы, разве всё это время потрачено впустую? Должен ли я уехать и скитаться по Индии в поисках Гуру?»

К сожалению, переводчик сам был так заинтересован в ответе, что не мог прервать его, чтобы полностью перевести мне, что говорил Багаван. Здесь можно добавить, что быть переводчиком Багавана крайне трудно. Багаван говорил так быстро, что иногда трудно было точно проследить, что он говорит, и переводчик так увлекался темой и желанием понять, что не находил времени сказать больше, чем разрозненные предложения. Они часто были слишком застенчивы, чтобы просить Багавана подождать, пока они переведут каждое предложение, что он с радостью бы сделал.

Продолжим с ответом Багавана, суть которого заключалась в следующем:

Для *джняни* (реализованной души) все есть одно. Он не видит различий между Гуру и учеником. Он знает лишь один Атман, а не мириады эго, как мы, поэтому для него какое может быть различие между людьми? (Нам почти невозможно это понять. Как он может и видеть различия, и не видеть различий одновременно? Он явно видит. Он может отвечать на вопросы, беседовать и, очевидно, совершает те же действия, которые совершаем мы, и всё же для него, повторяю, существует лишь один Атман, а эта жизнь – всего лишь сон). Однако для искателя различие между людьми весьма реально. Для него бесспорно существуют взаимоотношения Гуру и ученика. Если они не существуют, то «зачем он приехал через тысячи миль сюда и остался здесь?» Для искателя Бог своей Милостью принимает форму, чтобы привести его к бесформенному состоянию. «У него есть какие-нибудь сомнения в этом? Спросите, хочет ли он, чтобы я выдал ему письменный документ. Идите и позовите Нараяниара, суб-регистратора, и скажите, чтобы он выписал ему этот документ». Затем позже он с юмором добавил: «Идите и принесите печать из офиса и поставьте на нём. Это его убедит?»

В действительности примирить две точки зрения – *джняни* и ученика – почти невозможно. Как бы то ни было, в этой беседе Багаван развеял много сомнений. Несмотря

на это, некоторые всё ещё говорят, что было бесполезно приходить к Багавану, так как он не давал посвящений и даже не признавал отношений Мастер – ученик.

Однажды, когда кто-то рассуждал о том, что он делает то и это, Багаван спросил: «Почему вы думаете, что вы деятель? В этом заключены все неприятности. Это совершенно нелепо, так как всем очевидно, что «Я» ничего не делает. Действует только тело, «Я» - всегда свидетель. Мы так связываем себя с нашими мыслями и поступками, что всегда говорим: «я делал это или то», когда совсем ничего не делали. Сосредоточьтесь на том, чтобы быть свидетелем, и пусть всё идёт своим чередом. Всё в любом случае будет происходить, вы не можете этому помешать».

Вот в чём дело! Всё в любом случае будет происходить, но Багаван учил, что хотя не в нашей власти остановить происходящее, в нашей власти наблюдать его невозмутимо, как свидетель, а не как деятель. В этом цель жизни, и *садхана* состоит именно в этом.

Приведу цитату из книги Девараджи Мудальяра «*Мои Воспоминания*», которая имеет непосредственное отношение к вышесказанному:

«Единственная свобода, которую имеет человек, - это стремиться обрести *джняну*. Это даст ему возможность не отождествлять себя с телом. Тело будет заниматься деятельностью, неизбежной вследствие *пранабдхи*. А человек свободен отождествлять себя с телом и быть привязанным к плодам его деятельности, или быть непривязанным к нему и просто оставаться свидетелем его деятельности».

Для достижения такой непривязанности Багаван учил методу самоисследования «Кто Я?». Когда мы добьёмся успеха в этом, мы больше не будем рассматривать действия как свои, а будем видеть их как необходимую работу целого.

Багаван не был физически сильным, по крайней мере, после тридцати лет. Несомненно, это было связано с лишениями, которым он подвергал своё тело в первые годы в Тируваннамалае. Много лет он страдал от астмы. На фотографии, сделанной в Скандашраме, он похож на скелет. Он сказал мне, что внезапно через пятнадцать лет без видимой причины астма исчезла почти полностью. Он был всегда подвержен сильным простудам и частым расстройствам пищеварения. С годами ему становилось всё труднее и труднее ходить. Были испробованы бесчисленные масла, и его массажировали утром и вечером, но эффекта было мало.

Однажды рано утром в апреле 1942г., когда Багаван возвращался с прогулки по Горе после завтрака, произошёл несчастный случай. Одна из его любимых белок перебежала дорогу перед ним, когда он спускался по каменным ступеням возле амбулатории Ашрама. За ней гналась ашрамская собака. Багаван выставил вперёд палку, чтобы остановить собаку, не удержался, упал на ступеньку и сломал ключицу. Это, конечно, было очень больно. За ним ухаживал местный костоправ и вылечил за две недели, но это было очень тревожное время для всех нас.

В 1947 г. ему дали какое-то лекарство от ревматизма, но оно не принесло пользы. Кроме того, оно вызвало сильный приступ икоты, который продолжался несколько дней, а доктор был неспособен ничем помочь. Это не должно было произойти, так как на этикетке лекарства было предупреждение, что за пациентом надо тщательно наблюдать на предмет подобных реакций. Но хотя потом Багаван говорил, что заметил, что его моча стала ярко жёлтого цвета, а это был один из основных симптомов, за которыми нужно было следить, никто этого не заметил. Мы все сильно встревожились, но, в конце концов, приступ

прошёл сам по себе. Пока он продолжался, Ашрам был взвинчен, так как мы все чувствовали себя бессильными что-либо сделать.

5 февраля 1949 года началась трагедия последней болезни. Багаван часто потирал левый локоть из-за какого-то раздражения. Его слуга осмотрел руку и обнаружил небольшую шишку размером с горошину. Он сообщил об этом ашрамскому врачу. Врач решил, что это пустяк и нужно удалить её с помощью местного обезболивания. Ни с кем не посоветовался, хотя мне говорили, что его предупреждали, что Багаван не обычный человек, и что многие доктора охотно приедут из Мадраса на консультацию, и что он должен подождать, и ничего не предпринимать, не узнав их мнения. Но он упрямо настоял на своём.

Другой доктор, живший в это время в Ашраме, неохотно согласился сделать местную анестезию, и однажды утром перед завтраком операцию тихо провели в ванной комнате Багавана. Был сделан небольшой (слишком маленький, как мне сказали) надрез и опухоль извлекли, как оказалось, не полностью. Багаван никогда не хотел, чтобы его оперировали, и говорил врачам: пусть природа делает своё дело. Однако они решили продолжать. Это было начало конца. Медленно поднимался занавес перед финальным актом. Опухоль оказалась саркомой.

Через месяц ведущим хирургом из Мадраса в амбулатории Ашрама была проведена вторая операция. На этот раз при полной анестезии, но хотя и наступило временное облегчение, опухоль появилась с новой силой. Опробовали лечение радием, но оно не помогло. К июлю опухоль уже кровоточила и стала гноиться. Доктора посоветовались с Багаваном и сказали ему, что единственную надежду возлагают на ампутацию руки, но он решительно отказался от этого. Это был единственный случай в течение болезни, когда он принял активное участие в том, что должны были с ним делать. Пусть делают что хотят, считал он, хотя всё время говорил им, что было бы лучше не вмешиваться и дать природе делать своё дело, но никто не обращал внимания. Всего было сделано четыре операции, включая ту небольшую роковую операцию в начале. Багаван становился всё слабее и слабее. Несколько дней попробовал свои силы гомеопат, который настаивал, чтобы Багаван следовал строгой диете в эти дни; это не подошло ему совсем, и лишь усложнило положение и привело к невыразимому страданию. Один местный житель попробовал лечение травами и применил сильные жгучие припарки, которые привели к заражению крови. Один человек был доставлен из Калькутты и испытал лечение *сиддха*, но Багавану стало так плохо, что он отказался принимать лекарства, так как из-за них у него нарушилось мочеиспускание. К марту мы потеряли всякую надежду. Аллопаты делали своё дело с размахом, они прибыли с грузом материалов и для термического лечения специально провели электричество от линии электропередач. Не меньше десяти докторов участвовали в последней операции, во время которой Багаван чуть не скончался, и его пришлось оживить с помощью переливания крови.

Вечером накануне этой операции я пошёл проведать Багавана и на коленях умолял отказаться от неё. Было очевидно, что она не поможет. Каждый раз опухоль вырастала больше и больше, распространяясь по руке до подмышки. Я умолял, что дополнительные страдания бесполезны, и чтобы он избавил нас от напряжения, но он отказался, сказав, что доктора столько хлопотали, и *было бы бесчестно разочаровать их теперь*. Лишь после того, как все сильные доктора потерпели поражение и оставили всякую надежду, разрешили попробовать другие виды лечения; естественно, к этому времени было уже

слишком поздно. Они говорили, что нетрадиционное лечение будет бесполезным, и, отложив его до последнего момента, конечно, оказались правы. Однако Багаван считал, что всем надо дать шанс; никто не должен быть разочарован.

Эта ужасная болезнь, продолжавшаяся около года, стала для всех ясным предупреждением, что конец неизбежен и не очень далёк. Но своей Милостью он таким путём избавил нас от внезапного потрясения. Никто не был застигнут врасплох. Он также неоднократно предупреждал преданных, что оставление тела ничего не изменит. «Куда я могу уйти? Я всегда буду здесь».

Наверное, будет правильно объяснить моё явно неодобрительное отношение к докторам. Я считаю, что мы все должны безоговорочно подчиняться Багавану. Несомненно, часто нам это не удаётся; мы слабы, а наши *васаны* сильны, но это был именно тот случай, когда мы могли делать это, не причиняя себе неудобства. Он сказал: «Пусть природа делает своё дело», - но мы не послушались – ведь мы знали лучше него! Какая самонадеянность!

В последнюю ночь Багаван лежал в маленькой комнате, которая изначально была построена как кладовая. Мы все сидели напротив на веранде вдоль храма. Нам было видно только маленькое вентиляционное окно на высоте около шести футов от земли. Естественно, мы сидели на земле, и нам не было видно помещение внутри, где он лежал; всё, что мы видели – это движение опахала вперёд-назад. Каждый с волнением следил за этим опахалом, так как если оно остановится, будет ясно, что наступил конец.

Власти Ашрама опасались, что толпы ожидающих могут устроить беспорядки, так как некая группа людей собиралась, если получится, забрать тело и похоронить его вне Ашрама. Это было бы совершенно невозможно сделать, так как вокруг было много полиции, и большинство, конечно же, было против подобного скандала. Однако власти были напуганы. По этой причине примерно за час до конца присутствовавший окружной медицинский офицер по совету управляющего вышел и объявил, что сегодня ночью непосредственной опасности нет. Это был постыдный поступок. Естественно, многие разошлись по домам поужинать и пропустили последние мгновения.

Здесь была группа американских журналистов и фотографов, которые просто охотились за сенсацией. Они жили меньше чем в полумиле от Ашрама. Один из них, стоя снаружи дома внезапно взглянул вверх и увидел, как очень яркая звезда или метеор медленно проплыла по небу на север над вершиной Горы. Он громко позвал остальных, они выбежали и увидели это же явление. Все решили, что что-то случилось с Багаваном. Хотя у них и не было особой веры в него, они по наитию поняли, что это связано с ним. Это произошло точно во время смерти, (8-47 вечера 14 апреля 1950г) и многие видели это, и все, как это ни странно, связали это с одним и тем же. Люди в Мадрасе тоже видели это и некоторые немедленно отправились в Ашрам на своих автомобилях. Это факт, который я даже не буду пытаться объяснить, но должен принять его так, как он произошёл.

Однажды утром в 1938 году епископ Стэнли-Джонс нанёс визит в Ашрам. Его сопровождал секретарь, который подробно записывал то, что говорил епископ, и очень коротко записывал, когда давали возможность сказать Махарши, а это было немного. В группе было ещё двое христиан. Епископ совершал турне по Индии, собирая материал для книги, которая должна была доказать, что индуистские святые ничто по сравнению с обычным христианским верующим. Он хотел знать, в чём состоит метод Багавана и чего и

сколько он достиг с его помощью. Он вёл себя надменно и бескомпромиссно. Состоявшийся диалог я освежил в памяти с помощью «Бесед», хотя немного по-другому помню его.

С-Дж.: В чём состоит поиск и цель? Как далеко вы продвинулись?

Б.: Цель одна и та же для всех. Но зачем вообще искать цель? Почему вы не удовлетворены тем, что есть?

С-Дж.: Так значит цели нет?

Б.: Я спрашиваю вас, почему вы ищете цель?

С-Дж.: У меня свои взгляды на эти вещи. Я хочу знать, что может о них сказать Махарши.

Б.: У Махарши нет сомнений, поэтому он не задаёт такие вопросы. Чего ищете вы?

С-Дж.: Я считаю, что цель состоит в том, чтобы осознать Высший Разум с помощью низшего разума, чтобы Царство Божие пришло на землю. Низший разум сейчас несовершенен; только таким путём он может стать совершенным.

Б.: Итак, вы признаёте низший ум, который несовершенен, и ищет совершенства в Высшем Уме. Скажите, чем отличается этот низший ум от Высшего Ума?

С-Дж.: (Игнорируя вопрос, но с пафосом провозглашая свои взгляды, в которых только и заинтересован) Царство Божие было принесено на землю Иисусом Христом. Я считаю его олицетворением Царства. Я хочу, чтобы все это поняли. Христос сказал: «Я чувствую голод других людей». Взаимодействие – это счастье, а быть отделённым от Царства Божия – это страдание. Когда это Царство станет повсеместным, каждый из нас станет одним целым со всеми.

Б.: Вы говорите о различии между людьми, но что происходит с этим различием в глубоком сне?

С-Дж.: (Снова игнорируя вопрос) Я хочу быть бодрствующим.

Б.: Вы считаете, что бодрствуете сейчас. Наоборот, это только сон в длинном сне. Все спят, этот мир и вся деятельность – всего лишь сон.

С-Дж.: Это веданта. Мне она не нужна. Эти различия не воображаемые. Они реальные. (Снова заведя волынку о своём вопросе) Может ли Махарши сказать нам, что он обнаружил? Что это за состояние пробуждения, о котором он говорит?

Б.: Оно за пределами трёх состояний: бодрствования, сна и глубокого сна.

С-Дж.: Но я бодрствую сейчас и знаю это.

Б.: Однако в реальном пробуждении различий нет.

С-Дж.: Что в таком случае происходит с этим миром?

Б.: В вашем глубоком сне мира нет. Когда вы просыпаетесь, разве мир вдруг появляется и говорит вам: «Я существую»?

С-Дж.: Нет, но, другие люди говорят мне, что мир есть и он нуждается в духовном и моральном возрождении. Поэтому на самом деле мир есть. Все с этим согласны.

Б.: Сейчас вы видите мир и людей в нём, но могут ли они существовать отдельно от ваших мыслей?

С-Дж.: (Внезапно отклонившись от темы) Я вступаю в мир с Любовью.

Б.: Разве вы отделены от него, что можете вступить в него?

С-Дж.: Я отождествлён с ним. Я пришёл сюда задать вопросы и выслушать ответы Махарши. Почему вы продолжаете задавать мне эти вопросы?

Б.: Но Махарши ответил на ваши вопросы. Реальное пробуждение не включает различий.

С-Дж.: Вы достигли цели?

Б.: Нет цели отдельно от Атмана, поэтому как можно этого достичь снова? Будь так, это было бы непостоянным, а то, что непостоянно, в один прекрасный день исчезнет. Разве вы не согласны, что цель должна быть вечной? Поэтому она должна быть в пределах Атмана. Ищите и найдите её там.

С-Дж.: Я хочу узнать о вашем опыте.

Б.: Каким бы ни был мой опыт, это не влияет на вопрос. Каждый должен обнаружить истину сам. Как может кто-то обнаружить её для вас?

С-Дж.: Вовсе нет. Опыт каждого человека имеет общечеловеческую ценность и им можно поделиться с другими.

Б.: Вопрошающий должен получить ответ на свой вопрос, другой не может это сделать вместо него.

С-Дж.: (Самодовольно) Но я знаю ответ.

Б.: Скажите нам!

С-Дж.: Двадцать лет назад мне показали Царство Божие. Божией Милостью я был один, я не прилагал усилий, чтобы достичь его. Я был счастлив. Теперь моя цель сделать его доступным каждому. Тем не менее, я хочу знать божественный опыт Махарши.

Багаван молчал. Стэнли-Джонс тогда произнёс речь о Любви. Как у него было два ашрама в Северной Индии, и через них он распространял Любовь на весь мир. Как проповедник он был в ударе, и секретарь еле успевал записывать его слова. Через некоторое время он возобновил наступление, пытаясь заставить Багавана рассказать о своих переживаниях.

Г-жа Джинараджадаса, жена президента теософского общества, оказавшаяся в Холле в это время, возразила:

«Мы все здесь считаем, что Махарши сам принёс Царство Божие на землю, а вы донимаете его вопросами о его переживании. Разве не лучше вам следовать его указаниям и искать внутри себя?»

С-Дж.: Но как я могу осознать это?

И он не унимался. Он продолжал придирается к Багавану, не желая понимать то, что он ему говорит, до тех пор, пока я, наконец, не потерял терпение.

Я сидел в дальнем конце Холла и медитировал, по крайней мере, пытался медитировать, но его нелепая настойчивость отвлекала меня. Наконец, я больше не мог этого вынести и громко сказал:

«Почему вы просите Махарши осознать это вместо вас? Царство Божие внутри вас. Ваши же писания говорят вам об этом».

Он с удивлением обернулся, чтобы посмотреть, кто этот наглец, который посмел вмешаться и задавать вопросы апостолу Конгрегационализма.

«Я не прошу», - фыркнул он сердито.

«Просите. Почему вы не следуете своему христианскому учению и не ищите Царство Божие внутри?»

С-Дж.: «Там этого не говорится. Там говорится «идите среди вас»».

Я: «Нет, это неправильно, «идите вовнутрь себя». И также добавлено: «Ищите сначала Царство Божие, и тогда всё будет вам дано». Почему вы этого не делаете?»

Решив, что ему не оказывают здесь приёма, достойного уважаемого человека, Стэнли-Джонс сказал: «мы слишком задержались».

Секретарь собрал свои драгоценные бумаги, группа поднялась и покинула Холл.

После того как они ушли, Багаван рассмеялся и заметил, что я явно отплатил ему его же монетой.

Через некоторое время в пенджабской газете появилась статья о его визите к Махарши. Он говорил в ней, что учение Махарши обычное отрицательное «сделайте ум пустым», чему Багаван никогда не учил, и даже не упомянул в вышеописанном разговоре. Итак, мы видим, как бесполезно человеку, который не готов получить учение от Гуру, сидеть у его ног. Стэнли-Джонс приехал в Ашрам с предубеждениями, поэтому не смог воспринять ничего другого. Он уехал с убеждением, что услышал то, что заранее решил услышать.

Есть известная поговорка, что когда ученик будет готов, Гуру появится. Можно так же сказать, что если ученик не готов, даже появление и учение Гуру не принесёт результата.

Багаван относился к сумасшедшим людям отрицательно, а иногда – почти неодобрительно. Там, где можно было ожидать сочувствия, мы не находили его. По тому, как Багаван отзывался о них, казалось, он считает, что они виноваты сами, что это всего лишь недостаток контроля, и если они захотят, то смогут взять себя в руки и вести себя нормально. Багаван никогда не говорил ничего такого, это лишь мои личные ощущения по этому поводу.

Одна дама провела некоторое время в Ашраме и, возмнив, что она великая преданная, заперлась в коттедже прямо за воротами, надела повязку на глаза, чтобы не видеть и не отвлекаться грешным миром, и соблюдала молчание, надеясь таким образом успокоить чувства. Всё, что сказал Багаван об этом: «Почему она не приходит и не присоединяется к нам, как другие люди? Какую пользу всё это принесёт? Она приезжает сюда, чтобы быть с нами, а потом затворяется».

Другая женщина, еврейка, которая подверглась ужасному нацистскому преследованию в Германии, имела обыкновение срывать с себя одежду и появляться на людях голой, имела истерические припадки, кричала и, казалось, совершенно была невменяема. Багаван был очень холоден к её выходкам, и вряд ли его это интересовало. Хотя, когда полиция забрала её, он спросил, что с нею стало, но не проявил сочувствия к её неистовствам.

Один юноша из Майсора несколько месяцев сидел перед Багаваном, как казалось, всегда в глубокой медитации. Багаван был почти враждебным к нему, настолько, что кто-то спросил его, почему. Багаван ответил, что этот молодой человек медитирует только о работе, так как он безработный, что оказалось правдой. На самом деле юноше предложили работать в местной школе, так как у него была научная степень, но к тому времени он настолько был помешан, что проигнорировал это предложение. Его идея получить работу превратилась теперь в желание занять место самого Багавана. Очень опасно неправильно использовать силу Багавана, и Багаван всегда был категорически против таких вещей. Этот юноша закончил тем, что пытался запрыгнуть на диван Багавана и обнять его, восклицая «Отец, Отец!», надеясь таким образом получить силу напрямую.

Многих сумасшедших привозили в Ашрам в надежде, что Багаван их вылечит; хотя это противоречило правилам Ашрама, их тайком проводили в Холл, чтобы никто не

видел. В некоторых случаях визит действительно оказывался эффективным, но Багаван всегда казался совершенно безразличным.

Багаван разделял горе других и говорил слова утешения, но если человек терял контроль, он становился суровым и явно несочувствующим. Людям, которые болели, он сочувствовал, и в определённых случаях даже давал советы и помогал, если это возможно. Однажды он неожиданно пришёл проведать меня, когда я лежал больной в своей комнате. Он был у Девараджи, чтобы первым войти в новую комнату, которую только что построили. Ему сказали, что я нездоров, и буду рад, если он неожиданно придёт. Он сразу же так и сделал. Поэтому тайна его поведения в отношении сумасшедших становится ещё загадочнее. Он был от природы сочувствующим всем и каждому, и это единственное исключение остаётся своего рода загадкой.

Многие считают особенно благоприятным иметь что-то, к чему прикасался их Гуру. Старушки ожидали снаружи ванной комнаты, чтобы зачерпнуть воды, вытекающей из ванной Багавана, или воды, остающейся на земле после того, как он вымоет ноги, вернувшись с прогулки. Особенным благословением считалось поест с листа, с которого Багаван принимал пищу. Но сам Багаван был категорически против подобных вещей и делал всё, чтобы воспрепятствовать им. В Ашраме было принято, чтобы каждый убирал свой лист после еды, за исключением, конечно, Багавана. Один из слуг должен был следить, чтобы лист Багавана выбрасывали, и никто не мог им воспользоваться. Я точно знаю, что если слуга ещё не пообедал, он ел с листа Багавана; но Багаван не знал об этом, иначе были бы неприятности.

Однажды Багаван заметил девочку, которая слонялась вокруг и смотрела, как он ест. Она явно чего-то ждала. В конце концов, он спросил любящих родителей, наблюдавших с восхищением, что всё это значит. Они объяснили, что она ждёт, пока освободится его лист, чтобы поест с него.

Багаван очень рассердился. И в назидание всем, кто позволил происходить всему этому, он сказал, что теперь сам будет выбрасывать свой лист, чтобы никто не мог его взять. Все огорчились, потому что в то время у Багавана было обострение ревматизма, а нести лист и одновременно поддерживать себя с помощью палки, означало, что он не сможет держаться за перила по бокам крутых ступеней, ведущих в столовую. Но Багаван был непреклонен.

Чтобы спасти положение, одна преданная сказала, что сама будет следить за тем, чтобы лист Багавана выбрасывали, и никто к нему не прикасался. Сначала Багаван не разрешил это – зачем делать ради него исключение? Поэтому был найден компромисс. Теперь все будут оставлять свои листья в столовой, а один из слуг будет убирать их все сразу. Сначала дама сказала, что она сама будет это делать, но вскоре её место занял слуга, и эта традиция соблюдается по сей день.

Американка, которая ездила по Индии по поводу контроля рождаемости, посетила Ашрам. Она спросила Багавана, разве контроль рождаемости не полезен, видя, как быстро земной шар становится перенаселённым, особенно в Индии, где уже не хватает питания. Багаван лишь улыбался. «Как вы надеетесь контролировать жизнь, если не можете контролировать смерть?», - спросил он. «Лучше узнайте, кто тот, кто рождён сейчас».

Такой же ответ был получен тем, кто задал вопрос по поводу смертной казни. Разве не грех убивать кого-то намеренно, даже если это делает государство. Он ожидал от Багавана какого-либо заявления, но был глубоко разочарован.

«Если человеку суждено умереть, он умрёт, что бы ни случилось, вы не можете этого предотвратить. Он может переходить дорогу и его сожьёт машина. Так или иначе, он умрёт».

Багаван никогда не выносил никаких решений, даже о смертной казни. Как я сказал ранее, для него не существовало добра и зла, только действия и привязанность к действиям. Познай деятеля и пребывай в нём, и тогда всё остальное не имеет никакого значения.

В связи с этим я приведу цитату из Гиты, II. 27:

«Определённо есть смерть для рождённых, и определённо есть рождение для умерших; поэтому ты не должен горевать о неизбежном» - (Перевод: Анни Безант).

В другой раз я спросил Багавана о самоубийстве. Я ехал на велосипеде вокруг Горы, и при виде встречного автобуса мне пришла в голову мысль: «Почему бы мне не сосредоточиться на Атмане и не броситься под автобус, чтобы достичь Мокши!» Я рассказал это Багавану, но он сказал, что это бы не сработало. Мысли произвольно появились бы, когда бы я упал, страх и шок вызвали бы их, а когда приходят мысли, жизнь продолжается, поэтому мне пришлось бы принять другое тело. Если я могу успокоить ум достаточно, чтобы это не произошло, тогда в чём необходимость самоубийства?

Во время войны много было разговоров об аэропланах, бомбах и других удивительных вещах, которые создавались для разрушения. Багаван заметил, что во всём этом нет ничего удивительного, в древней Индии всё это уже существовало раньше. У Рамы была цветочная повозка, которая была не чем иным, как аэропланом, а в описаниях древних войн мы находим упоминания огненного оружия, алмазного оружия и даже электрического оружия, помимо множества других, описанных в древних книгах. Современный человек думает, что он такой необыкновенный, но древние знали гораздо больше, чем он может себе представить. Они владели сплавом металлов, с помощью которого могли преодолевать земное притяжение. Людям пока не удалось добиться успеха в этом.

Однажды задали вопрос, могут ли люди рождаться в теле животных. «О, да», - сказал Багаван, - «даже сегодня они принимают такие формы, чтобы родиться здесь».

Пример этого, конечно же, корова Лакшми.

Однажды ночью позади Ашрама на скале стояла собака и лаяла без остановки. Наконец, Багаван велел кому-то отнести ей немного еды; это было сделано, собака поела и быстро ушла. Больше её не видели. Багаван пояснил, что это был *сиддха*, который принял форму собаки, чтобы прийти сюда утолить голод. Таких много в округе, сказал он, но они не хотят, чтобы их узнали, и приходят в таком виде.

Его спросили, правду ли говорят, что возле Горы всегда живут семь *джняни*. «Их может быть даже больше», - сказал он, - «кто может сказать? Как их узнаешь? Они могут казаться нищими, лежащими в канаве, или в каком-нибудь другом виде, неузнаваемыми. Невозможно сказать».

Багаван всегда отговаривал преданных уходить в *мауну* или принимать обет молчания. Во время войны я решил, что хочу это сделать, главным образом для того, чтобы оградить себя от насмешек и придинок. Я пошёл к Багавану и спросил его разрешения. Он не проявил энтузиазма и сказал, что бесполезно держать язык в покое, и при этом строчить записки на клочках бумаги, чем занимаются многие так называемые

мауни. В этом случае отдыхает только язык, а ум продолжает работать, как и раньше. Я сказал, что не собираюсь этого делать, а выброшу свой карандаш и бумагу. Я почувствовал, что получил неохотное согласие, так как Багаван знал, что люди донимают меня. Поэтому я сделал необходимые приготовления, повесил колокольчик из комнаты в кухню, чтобы не приходилось звать слугу, и наметил благоприятный день для начала. Вечером накануне один из моих друзей поднял этот вопрос в Холле после ужина, когда там было лишь несколько человек. Багаван сразу выразил своё неодобрение, сказав, что в этом нет необходимости, и на самом деле, это совсем не полезно. Я всё равно говорю мало. Лучше говорить только когда это необходимо, а соблюдать молчание в действительности не принесёт пользы. Если соблюдать молчание двенадцать лет, можно онеметь и обрести чудотворные силы, но кому они нужны? Речь действует как предохранительный клапан. Естественно, после этого разговора я отказался от этой идеи.

Он был также против принятия *саньясы*. Если соблюдать её правильно, она будет бесполезным ограничением. Если не соблюдать её как следует, она дискредитирует себя. В конце концов, она лишь заставляет человека думать: «теперь я *саньясин*», вместо «теперь я в миру». Мысль остаётся, а она и есть главный враг. По поводу ухода в лес и заточения себя в пещере он выражал точно такое же мнение. То есть он, очевидно, одобрял жизнь в мире как необходимое условие, помогающее человеку в *садхане*. Если вы можете быть в мире и не от мира сего, вы достигли высокого уровня непривязанности. Всегда лучше иметь какое-то сопротивление: дерево, не подверженное ветрам, обычно бывает хилым.

Однажды кто-то заметил Багавану: «Здесь происходит многое, что Багаван не одобряет. Почему же он остаётся здесь, ведь у него нет привязанностей или желаний».

«Что я могу поделать?» - сказал Багаван. «Если я уйду в лес и попытаюсь спрятаться, что произойдёт? Меня вскоре обнаружат, и кто-нибудь поставит хижину передо мной, другой – сзади, и через короткое время хижины появятся по обе стороны. Куда я могу уйти? Я всегда буду узником».

Следующая история служит забавной иллюстрацией. Однажды, много лет назад Багаван решил попоститься один день. Он собирался ходить по Горе, каждый дюйм которой был ему хорошо знаком с тех пор, как он изучил её в молодости. Поэтому он довольно плотно поужинал накануне, чтобы иметь достаточно сил. Он отправился один рано утром, но не успел уйти далеко, когда ему встретились семь женщин. «А вот и наш *Свами*», - радостно воскликнули они. Они усадили его и подали ему обильную еду, которую, кажется, принесли специально для этого. Когда он закончил, они ушли со словами: «Мы принесём *Свами* обед», и каким-то непостижимым образом они снова нашли его, хотя он и шёл нехоженными тропинками. И снова обильно накормили.

Багаван направился домой, ощущая, что съел больше, чем надо. М.В. Рамасвами Айяр, давний преданный, живущий в городе, знал, что Багаван собирается поститься целый день, и решил, что к вечеру он проголодается, поэтому приготовил роскошный ужин и вышел навстречу Багавану, которого увидел на окраине города. Здесь он усадил его и снова заставил есть и не пощадил его. Когда Багаван вернулся домой с полным животом, то сказал, что никогда больше ни одного дня не будет поститься. Что касается семи женщин, которых он встретил так загадочно, Багаван предположил, что это были феи.

Однажды кто-то сказал Багавану: «Правда ли что *джняни* остаётся осознанным во всех трёх состояниях, даже когда спит?»

«Да», - ответил Багаван.

«Тогда почему Багаван храпит?»

Багаван ответил: «Да, я знаю, что храплю, я мог бы перестать, если бы захотел, но мне это нравится».

Разве это не совершенное приятие!

Утром и вечером перед Багаваном в течение сорока пяти минут читали Веды. Поначалу это делали местные брамины, приходившие два раза в день из города. Однако это было довольно неудобно, поэтому в 1947 г. в Ашраме была открыта школа Вед, состоявшая из шести мальчиков, которые теперь взяли на себя эту обязанность. Багаван явно любил слушать Веды. Как только они начинались, он сразу же садился на диване прямо, подгибал ноги, а взгляд его становился отрешённым, и он сидел неподвижно до конца. В конце каждой декламации, когда мальчики читали стихи в честь Самореализованного Мудреца, все вставали, а потом простирались перед Гуру. Эти стихи, *Na Karmana*, упомянутые выше, я перевёл с помощью других и вручил Багавану для исправления и одобрения. Приведу их здесь, так как посетители часто спрашивают об их значении:

«Не с помощью действия обретается бессмертие,
И не с помощью потомства или обладания золотом,
Но отречением некоторые достигают,
Мудрецы, которые тщательно контролируют свои чувства
Достигают того *Сат*, которое превосходит высочайшие небеса,
И вечно сияет в сердце.
Искатели, с помощью отречения и сосредоточенности
Ставшие чистыми в сердце и узнавшие, ту единственную Истину,
провозглашённую Ведантой,
Достигают самореализации; когда уйдёт из тела невежество с его причиной *Майей*,
они обретут полную свободу.
Это лишь как тончайший эфир, который вечно сияет
В Лotosном Сердце каждого, свободного от печалей,
Незапятнанное Высочайшее в сокровенной сущности тела,
Об этом должно медитировать.
Он поистине есть Высочайший Господь. Он вознесён над
Изначальным Миром, он – начало и конец всех Вед;
В котором растворена Причина Творения, так погружены они в единое».

Багаван говорил, что чувство эго поднимается из Сердца. Это Сердце не физический орган и даже не одна из *чакр* йоги, а место примерно в полутора дюймах справа от середины груди. Некоторые люди утверждают, что самореализацию можно обнаружить в этой точке. Но как такое возможно? Разве есть физическое место, где находится Реализация? Несомненно, она всеобъемлюща. Суть в том, что когда саду возвращается из состояния глубокого *самадхи*, первое, что он осознаёт – это место так называемого Сердца. В этом месте трансцендентальное переживание исчезает, и эго вновь вступает в свои права. Поэтому, оглядываясь назад, ему кажется, что самореализация

находится именно там, так как это была последняя точка, осознаваемая им. В этом смысле можно сказать, что Реализация находится в Сердце. Иногда людям советовали вернуть ум к этой точке, так как в том самом месте, где рождается эго, оно и умрёт. Это не предписывалось, как необходимая *садхана*, но лишь как помощь для определённых искателей. Так как Багаван постоянно повторял: «Вы не можете определить место переживания». В связи с этим приведу цитату из ещё одного прекрасного гимна из Вед, *Narayana Sooktha*, который мальчики каждый вечер читают во время вечерних молитв:

(1). Нужно понять, что сердце, похожее на лотос, ниже горла и выше пупка, висит вверх дном и является основным местом пребывания Универсальной формы Параматмана.

(2). В центре его есть маленькое отверстие. В нём находится Параматман, дающий Милость тем, кто медитирует на Нём. В центре Сердца огонь, пышущий жаром.

(3). Этот огонь активен и потребляет и распределяет переваренную пищу от головы до ног, для жизни тела.

(4). Пламя зажжено в сердце, сверкая как разряд молнии среди туч, как тонкая сердцевина семени. Оно золотисто-жёлтого цвета и ярко сверкает. Оно ни с чем несравнимо.

(5). В центре вершины (пламени) *Параматман*. Он Брама, Шива, Индра и неразрушим, сверкающий *Параматман*.

Я подозреваю, что этот гимн ссылается скорее на сердечную *чакру*, чем на духовное Сердце, о котором говорит Багаван, которое находится с правой стороны груди, но в *Беседах* он говорит о Сердце следующее:

«Сердце в Ведах и писаниях обозначает место, из которого возникает понятие «я». Разве оно возникает из комочка плоти? Оно появляется в нас где-то справа, в середине. «Я» не имеет определённого места. Всё есть Атман. Нет ничего кроме Атмана».

«Поэтому мы должны говорить, что Сердце – это всё наше тело и вся Вселенная, воспринимаемая как «Я». Однако чтобы помочь практикующему (абхьяси), мы должны обозначить определённое место во Вселенной или в нашем Теле. Поэтому на Сердце указывают как на место пребывания Атмана. Но на самом деле мы везде, мы – это всё, что есть, и ничего больше нет». - (Беседы, 29).

Багаван обожал Гору, и наибольшим счастьем для него было бродить одному по её склонам. Широко известна история о великом Сиддха Пуруше по имени Йог Арунагири, который живёт под огромным баньяном на северном склоне Горы. Однажды Багаван нашёл на земле листья с этого дерева, когда шёл вокруг Горы. Они были более фута в диаметре.

Однажды Багаван отправился на поиски этого места. В конце концов, он увидел на некотором расстоянии дерево, которое описывал как огромное. Но место было окружено густыми непроходимыми зарослями колючек, и он не смог подойти ближе. Когда он всё же попытался продолжить путь, то побеспокоил гнездо шершней, и разъярённые шершни яростно набросились на его ногу и бедро. Он не шевелился, пока они не выместили весь свой гнев на нём в наказание за причинённый вред. Он больше не пошёл вперёд, так как понял, что ему нельзя идти дальше. Что касается шершней, он, извиняясь, сказал, что не имел права так неосторожно беспокоить их гнездо. Таким он был внимательным.

В 1942 или 1943 г. большая группа преданных однажды утром отправилась искать это место. Багаван предупреждал, что это бесполезно, но они не прислушались к его предостережению и ускользнули по одному, не сказав, куда идут. Группу возглавлял Кунжу Свами. Они долго бродили и окончательно заблудились в одной из долин на Горе, из которой никак не могли найти выход. Они ходили кругами, каждый раз возвращаясь на то место, откуда начали, пока совсем не выбились из сил и не взмолились о помощи. В этот момент появился деревенский старик, и они объяснили ему своё затруднительное положение. Через десять минут он вывел их на правильную дорогу, которую они так безнадежно искали. Мунгала был так измучен, что пришлось поддерживать его всю дорогу до дома, и они опасались, что он вообще не дойдёт. Когда они, наконец, прибыли, и пришли к Багавану, он сказал, что глупо было подвергать себя всем этим трудностям и страданиям. Всё было бесполезно с самого начала. Подобное видение не для таких как они.

Кто был этот таинственный старик, появившийся столь своевременно? Почему Багавану не позволили подойти ближе? Несомненно, для него не могло быть такого ограничения. Может быть потому, что если бы он пошёл, мы потеряли бы его, так как он бы полностью растворился в святом Существо, а это время ещё не настало? Загадка.

Однажды я спросил: «Кто такой Йог Арунагири?»

«Кто он, если не Сам Бог», - кратко ответил Багаван, но больше ничего не сказал.

Немало обсуждался вопрос, мог ли Багаван составить завещание и сделал ли это. Некоторые люди сомневаются в этом, а другие подозревают в злонамеренных махинациях окружающих его людей, которые каким-то загадочным путём состряпали документ, имеющий законную силу. Многие люди всё ещё говорят, что то, что проходит как завещание, вовсе не завещание, хотя и получило поддержку законного суда. Поскольку ни в одной книге, изданной Ашрамом, об этом не говорится, я решил, что будет целесообразно рассказать об этом здесь.

В течение двадцати лет длилась судебная тяжба, причинявшая всем в Ашраме много беспокойства. Один давний преданный заявил, что территория является его частной собственностью и хотел взять в свои руки управление Ашрамом, включая Багавана. Когда Ашрам, наконец, избавился от этих хлопот, несколько давних учеников обратились к Багавану за помощью и советом. Они объяснили, что даже при нём их притесняют; неизвестно, что может случиться, когда его больше не будет здесь, чтобы защищать их, что он посоветует? А что они предлагают? - спросил он их. Было бы хорошо, чтобы Ашрамом управлял назначенный им совет попечителей, считали они. Но Багаван возразил. Попечителей на самом деле не интересует учение; они воспользуются им как дойной коровой, а когда молоко иссякнет, предоставят его самому себе. Вместо этого, разве не лучше назначить передаваемое по наследству управление? Вопрос обсудили, и было решено, что в этом случае лучше всего составить завещание. Багаван согласился с этим предложением.

В Салеме жил отставной судья первой инстанции, давний преданный, и ему доверили составить проект завещания. Он составил, предварительно совершив *пуджу* перед портретом Багавана, помолвившись о помощи и руководстве. Когда проект был готов, несколько давних преданных собрались в Ашраме в большой комнате, которую я занимал по прибытии в Ашрам. Читали и обсуждали каждое предложение одно за другим, и внесли некоторые поправки; после каждого предложения Багавана спрашивали, понял

ли он и согласен ли, и до тех пор, пока не получали его согласия на каждое предложение, к следующему не переходили. Наконец, его перепечатали, и Багаван провёл черту вместо подписи. Он также уполномочил Самбашиву Рао поставить подпись вместо него, таким образом, получилось дважды надёжное засвидетельствование. Свидетелями документа было много людей, и присутствовавший суб-регистратор спросил Багавана, понимает ли он документ, согласен ли и желает ли его зарегистрировать. На все эти вопросы Багаван ответил: «Да!» Таким образом, нет сомнений в законности документа и участии в нём Багавана.

Последующие события доказывают, что Багаван точно знал, что делает и хотел это сделать, а не просто уступил влиянию, как считают некоторые. Спустя несколько лет власти Ашрама решили, что завещание не совсем удовлетворительно с их точки зрения, им казалось, что в нём есть некоторые лазейки, и поэтому был составлен новый проект. Во время последней болезни Багаван лежал в новом Холле, и здесь к нему подошёл управляющий с группой сторонников. Они объяснили свои затруднения Багавану, вручили ему новый документ и попросили заверить его. Но он не захотел этого делать. «Завещание ведь уже есть?» - сказал он, и на этом дело закончилось.

«Как может *джняни* оставить завещание?» - говорят люди, - «это абсурд».

У *джняни* нет ограничений, нет вопроса, может или не может он владеть собственностью; иначе он не был бы *джняни*. Он не связан ничем, что можно себе вообразить. Люди дарили ему подарки, и из милости он принимал их. Собственность накопилась под управлением его брата, который один занимался деньгами и был заинтересован в организации. После ухода Багавана Ашрам очевидно продолжит существовать как духовный центр, поэтому естественно было прислушаться к молитвам преданных и проследить, чтобы он был защищён. Мудрость этого решения уже не раз доказана. Много дел возбуждали против Ашрама недовольные люди, и вели активную пропаганду, но есть завещание, благодаря которому он продолжает действовать, чтобы люди могли приезжать и наслаждаться его покоем и продолжающимся присутствием Мастера.

Багаван не имел личного желания составить завещание, и не заботился о собственности, но он видел наши затруднения и именно поэтому согласился на вышесказанное. Никто не говорит, что он сел и написал его сам; он предоставил это другим, но лично я убеждён, что именно он вдохновил документ. Как бы то ни было, он дал на это своё полное согласие.

Однажды он заметил: что бы ни говорил *джняни*, каким бы нелепым это ни казалось, в конце концов, это сбудется. Он подписал завещание, в котором говорится, что Ашрам будет духовным центром, и это так и есть, несмотря на сопротивление. Несомненно, со временем он будет становиться сильнее и сильнее, и, в конце концов, будет известен во всём мире.

Недавно Девараджа рассказал мне историю, которую забыл включить в свои книги.

В первые дни, когда Багаван жил в пещере Вирупакша на Горе, к нему пришёл *саньясин*, ученик Шанкарачарьи из Шрингери, и пытался убедить его принять посвящение в саньясу. Багаван отказывался, а тот настаивал и не успокаивался. Он продолжал спорить с Багаваном более трёх часов. Он говорил, что признаёт величие Багавана, но в любом случае будет лучше, если он примет посвящение, так как этот саньясин был убеждён, что Багаван, будучи брамином, должен следовать Шастрам. Он сказал, что принесёт всё

необходимое и совершит церемонию прямо в пещере. Даже если Багаван не согласится носить оранжевую одежду, он должен хотя бы носить набедренную повязку оранжевого цвета. Затем он ушёл, предложив ему подумать над этим и пообещав вернуться после обеда за окончательным решением.

Вскоре после ухода *саньясина* в пещеру, где жил Багаван, пришёл совершенно незнакомый старик со связкой книг на санскрите. Старик попросил разрешения ненадолго оставить их, сказав, что вернётся позже и заберёт их. Из любопытства Багаван решил посмотреть, что это за книги. Первая, которую он взял, (Аруначала Пурана) сама собою открылась на следующем стихе:

«Те, кто живёт в радиусе трёх йоджан (30 миль) от этого места, даже если не имеют посвящения, по моему высочайшему повелению обретут Освобождение, свободные от всех привязанностей».

Он переписал это на клочок бумаги, убрал книгу и закрыл глаза; позже, когда он открыл глаза, книг уже не было, и он больше никогда не видел старика. Как они исчезли, он так и не узнал.

Когда саньясин вернулся за ответом, Багаван вручил ему эту записку, прочитав которую, тот оставил его в покое и ушёл, убедившись, что никакого посвящения не нужно.

Кажется, саньясин рассказал об этом Шри Нарасимхе Бхарати, главе Мата, который сожалел о случившемся и сказал ему: «Отныне не пытайся делать ничего подобного».

ЭПИЛОГ

Не могу придумать ничего лучше, чем привести в заключение статью, которую я написал к празднованию восьмидесятого дня рождения Багавана, которое выпало на 17 декабря 1959г.

Я считаю, что не должен упустить возможность сказать несколько слов тем, кто сомневается в продолжающемся присутствии нашего любимого Гуру среди нас. Хотя мы говорим, как будто он умер, он на самом деле здесь и очень даже живой, как и обещал, несмотря на видимость.

Многие возражат, что его присутствие ничуть не ограничено этим единственным местом, что он проникает везде и его можно найти в доме каждого преданного, так же определённно, как и в Ашраме. Но хотя я и должен признать правильность этой точки зрения теоретически, на практике я лично нахожу, что это не совсем так.

Когда достигнута самореализация, весь мир становится для нас одним; ни одно место нельзя выбрать как более благоприятное или мощное, чем другое. Без сомнения, многие имеют Благословение Его Милости, самореализованы и живут своей жизнью, всегда осознавая Его блаженное присутствие, где бы ни находились. И они могут подтвердить истину, что Он в действительности находится везде. Но для других, таких как я, менее благословенных существ, всё не так просто. Поскольку многие из нас находят, что мир, семья, беспокойство о делах, болезни и бедность поглощают всё наше время и внимание, и мы даже не можем выделить несколько минут в день для осознания, что Он поистине *есть* везде и очень даже живой. Посещение Ашрама на нас действует как свежий ветерок и придаёт новые силы для *садханы*.

Но люди могут сказать, что я вряд ли гожусь на роль справедливого судьи; я необъективен. Поэтому я не буду ограничиваться собственным опытом, а скорее прибегну к свидетельству многих посетителей, которые возвращаются сюда после нескольких лет отсутствия. «Незачем ехать туда», - заявляли они раньше, - «его там больше нет».

Если спросить их, куда он ушёл, они не дадут определённого ответа. Чувствуется, что они не очень-то верят, что он вообще где-то есть. Несмотря на это, что-то притягивает их обратно сюда, они даже не знают, что. Те, кто посидит тихо и постарается забыть на несколько мгновений о своих мелких тревогах, удивятся силе атмосферы.

Часто посетители замечают: «Но его можно почувствовать сильнее, чем прежде. Конечно, не хватает физического присутствия, возможности задавать вопросы, радости от его приветствия, его юмора, а больше всего его понимания и сочувствия».

Да, определённо, всего этого не хватает, но если однажды потрудиться посетить его могилу, то ни на мгновение не возникнет сомнения, что он всё ещё здесь.

«Пропаганда!», - возразите вы, думая, что поскольку я живу здесь, то преследую корыстные цели. Но в действительности истина прямо противоположна. Все знают, что я предпочитаю не общаться и избегаю посетителей, тогда зачем мне теперь быть настолько глупым, чтобы поощрять их, если бы меня не заставляла это делать какая-то сила неподвластная мне?

Но мне и не нужно говорить. Пусть лучше свидетельствуют индуистские писания.

В Упанишадах ясно сказано, что жизненная сила *Brahmanishtha* никогда не покидает его тело, но присутствует в сердце. Если *самадхи* (могила) содержать надлежащим образом и правильно к нему подходить, то оно дарует преданному неоценимое блаженство и одарит благами. Этого взгляда придерживается в тамильском классическом произведении «*Тиру-мантрам*» Тирумулар, который утверждает, что *джняни*, будь он в теле или в бестелесном состоянии, - это Сам Брама, Гуру, который благословляет всех своих чад и лично заботится о них. Это авторитетное произведение также провозглашает, что *джняни* вездесущ после того, как оставил тело. И снова Агамы утверждают, что если *Brahmanishtha* решил оставить тело и найти себе жилище в другом месте, он оставляет в старом теле одну из своих шестнадцати всемогущих *kalas*, чтобы передавать его благословения.

Неудивительно, что мы чувствуем, что Шри Рамана действительно среди нас, и его присутствие легче всего ощутить там, где он так долго жил и где погребено его тело. Разве нет подобной традиции во всех без исключения основных религиях? Даже мусульмане почитают могилы признанных святых, а буддисты отправляются в изнурительные паломничества, чтобы посетить какую-нибудь реликвию. Люди не станут так беспокоиться, пока не почувствуют, что есть веская причина.

Когда Шри Рамана был при смерти, люди приходили к нему и умоляли остаться ещё, так как нуждаются в его помощи. Его ответ хорошо известен.

«Ухожу! Куда я могу уйти? Я всегда буду здесь».

Сила Шри Раманы, оставившего тело, не уменьшилась. Он везде, как свет в комнате, исходящий от электрической лампочки. Но свет оказывается намного сильнее рядом с лампочкой, источником света, чем в любой другой части комнаты, хотя ни одно место в комнате не находится в темноте. Чему тогда удивляться, если сила нашего Гуру проявляется возле места, где погребено его тело?

Я не собираюсь устанавливать закон, даже если личный опыт подтверждает правоту моих слов. Мне достаточно опираться на слова Писаний. Или, если угодно, на ваше собственное свидетельство после того, как вы посетите Ашрам и выясните сами.

Итак, я заканчиваю несколько личных воспоминаний о моём Гуру. Их без сомнения, недостаточно, так как я никогда не думал, что должен что-то писать, но мои друзья просили меня, говоря, что мой долг изложить на бумаге мой опыт жизни с Багаваном. Когда я, наконец, сел писать, то обнаружил, что это легче, чем я ожидал, так как я часто беседовал о различных случаях, описанных здесь и таким образом, освежал свою память. Я упомянул как можно меньше имён, только когда казалось, что этого требует содержание. Личности перед ним были не в счёт. Он был уникален, так как самореализованная душа – большая редкость и встречается раз в продолжительное время. В Багавад Гите (VII. 3. Перевод Безант) Шри Кришна говорит:

«Среди тысяч людей редкие единицы стремятся к Совершенству; среди успешных стремящихся редкий одиночка знает Мою суть».

ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ НА САНСКРИТЕ

Абхишекам: Омование храмовых божеств молоком и т.д.

-Кумба: При открытии храма горшки с водой освящают в течение нескольких дней и затем поливают этой водой божества во время празднования. Подобные церемонии посещает множество народу.

Аватар: Воплощение Бога. Бог намеренно принимает человеческую форму чтобы помогать миру во времена упадка религиозности. Кришна – пример *аватара*.

Brahmanishtha: Человек в состоянии реализации. Большого получить невозможно, всё уже достигнуто.

Джняна: Божественная Мудрость, Высшее Знание.

Kala: Существует шестнадцать жизненных сил, или *kalas*, принадлежащих человеческому телу.

Карма: Действие, сформированное прошлыми мыслями или желаниями. Каждое действие влечёт за собой другое действие. Есть три кармы: *праарабдха*, *санчита* и *агами*. Те поступки, которые начинают приносить плоды в настоящем рождении; поступки, которые принесут плоды позже; и те, которые накапливаются теперь, чтобы принести плоды в будущем. *Праарабдха* – это результат предыдущей кармы, пожинаяемый в этой жизни; *агами* – семена, собираемые при этом; *санчита* – эти семена, которые прорастут в будущем и станут *праарабдхой* в будущей жизни.

Кауріпа: Узкая полоска ткани, которую носят между ног, подвернув назад и вперёд под ткань, повязанную вокруг талии, её носят из скромности обнажённые саду.

Мантра: Священное слово, которое используют для повторения или посвящения.

Мат: Индуистский монастырь.

Мокша: Освобождение.

Мауна: Обет молчания.

Пуджа: Поклонение с помощью цветов и т.д.

Праарабдха: См. *Карма*

Прасад: Небольшое количество съестного, предложенное Гуру или Божеству обычно возвращаемое как благословенный дар.

Пурна: Полный, Завершённый, Заполненный.

Садхана: Дисциплина, то, что практикуется.

Саду: Религиозный искатель, который практикует садхану.

Самадхи: Букв.: «единение». Трансцендентальное Состояние, см. текст.

Сатсанга: Общение с добродетельными.

Шанкарачарья: Названный по имени великого Шанкары. Глава одного из пяти выдающихся *матов*, основанных Шанкарой.

Сиддха: Тот, кто обрёл силы, духовные или, может быть, сверхъестественные.

Сиддха Пуруша: Совершенное Существо. Отождествлённый с Самим Господом.

Тапас: Букв.: сжигание, духовные лишения.

Упадеша: *Desa* – наставление, *Ура* рядом. Духовное наставление от Гуру.

Васаны: Непроявленные стремления. Тесно связаны с кармой.

Vedapatasala: Школа Вед.